Ю.М. Иванов

От первобытности к цивилизации
(критика марксистской схемы)

Москва 1998

Содержание

Автор-Иванов Юрий Михайлович, доктор исторических наук, кандидат экономических наук

Одна из главных проблем социальной антропологии заключается в том, что ее методы скорее стали предметом веры, чем разума, целью, а не средством.

Дж.Гуди. Сравнительные исследования отношений родства

В 1884 г., через семь лет после выхода в свет труда Л.Г.Моргана "Древнее общество", Энгельс опубликовал свою известную книгу "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Отметив выдающийся вклад тогда малоизвестного американского ученого в изучение первобытной истории, Энгельс органически вписал в теорию марксизма предложенную Морганом схему исторической эволюции семьи и рода. Позднее, в начале XX в., усилиями английского антрополога У.Риверса работы Моргана получили признание в академической науке сначала в Англии, а затем и в других странах.

Заимствованная Энгельсом моргановская схема позволила материалистически объяснить первобытную историю, фиксируя основные формы поступательной эволюции семьи и рода - от промискуитета до моногамной семьи. Для XIX в. работы Моргана были настоящим прорывом в изучении начальных стадий развития человечества. Но, несомненно, что многие положения, выводы автора строились на предположениях, догадках, возможно, фантазии, ибо наука об этом историческом периоде еще только зарождалась. Впервые вне Библии попытка определить начальные этапы истории семьи на основе фактов была сделана И.Я.Бахофеном в книге "Материнское право", вышедшей в 1861 г. Последовавшие

затем публикации на эту тему ко времени выхода в свет в 1877 г. книги Моргана были крайне малочисленны. К тому же и круг ученых, занимавшихся историей семьи, был невелик, что позволяло последним устанавливать между собой тесные узы профессионального братства. Выступая в роли жрецов науки, они препятствовали распространению идей, противоречащих установленным ими научным положениям, или заимствовали их без ссылок на источники. Так было, в частности, с публикациями Моргана. Зародышевое состояние науки, ограниченность фактов, которыми она могла бы оперировать, благоприятствовали расцвету интриганства и кумовства. “Трудно себе представить более спаянное общество взаимного страхования, - писал с негодованием Энгельс, - чем эти исследователи первобытной истории. Это шайка прохвостов, занимающаяся в международном масштабе кумовством и бойкотом в интересах клики, что сходит им с рук благодаря сравнительной малочисленности этих людей” (Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С.95).

За прошедшие сто лет число исследователей первобытной истории в мировой науке гигантски возросло. На базе накопленного, неизвестного во времена Моргана, громадного фактического материала возникло множество течений научной мысли. В этих условиях созданная Морганом и заимствования марксизмом схема развития первобытного общества по многим параметрам не могла не устареть. Тем не менее представления о закономерностях перехода от первобытности к цивилизации, почерпнутые из книги Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства” до сих пор так или иначе остаются основополагающими в российской науке, хотя сам автор относился к ним критически. В частности, в 1891 г. Энгельс писал, что его книгу “Происхождение семьи частной собственности и государства” «необходимо не только в большей части заново отредактировать и дополнить, но и закончить” (Там же. С.110).

Последствия канонизации марксизма, игнорирование или безапелляционное отрицание достижений других направлений научной мысли продолжают давать о себе знать. Но подлинная наука начинается. как справедливо утверждал еще Галилей, только со смертью догмы.

1. Род и семья на ранних этапах истории человечества

Африка всегда приносит что-то новое

Древнегреческая поговорка

Как известно, основой теоретических построений Моргана послужили наблюдения за жизнью североамериканских индейцев, находившихся на сравнительно высокой стадии исторического развития, когда переход от присваивающего хозяйства - охоты и собирательства - к производящему - земледелию уже завершился, а формой организации производства служила большая семья (овачира), отношения которой Морган ошибочно принял за родовые. Помимо личных наблюдений при построении схемы эволюции семьи и рода Морган использовал сообщения о жизни других народов, сделанные миссионерами, путешественниками, чиновниками и т.д. Сегодня профессиональные исследования буквально всех уголков Земли, где еще сохранились следы первобытной эпохи, позволяют с большей точностью говорить о происхождении семьи, частной собственности и государства. С этой точки зрения особый интерес представляет Тропическая Африка. В частности, то, что Энгельс вслед за Морганом называл кровнородственной семьей, полагая ее давно вымершей, в Тропической Африке еще можно наблюдать почти в первозданном виде, как это делал, например, К.Тернбулл, исследовавший в середине нашего века обычаи пигмеев мбути. В связи с тем, что в отечественной литературе этот аспект проведенного им исследования еще не изучен, нам придется несколько подробнее остановиться на жизни этого племени.

Пигмеи мбути - охотники-собиратели. Добывать огонь они не умели поэтому пользовались тлеющими головешками, которые переносили с места на место. Пищу или жарили, или запекали в листьях на кострах. Для охоты использовали деревянные, а не металлические наконечники, объясняя это тем, что “им обычно приходится стрелять на звук либо шелест листьев, а не в требующую прямого попадания видимую цель... Применяя яд, им достаточно оцарапать животное,

чтобы оно немедленно погибло. Металлический же наконечник не может удержать яд и поэтому требует попадания строго в уязвимое место" (Turnbull C. Peoples of Africa. N.Y., 1965. P.287). Для охоты и собирания лесных плодов, они объединялись в группы, в каждую из которых могло входить от 3-х до 30-ти семей. Причем число семей в группе могло увеличиваться или уменьшаться, группа могла слиться с другими группами.

Хотя разделение труда по половому признаку у мбути уже наметилось, оно еще не имело четких развитых форм. Основное занятие мужчин - охота, изготовление охотничьего снаряжения и одежды из коры деревьев. Основное занятие женщин - сбор грибов, кореньев, плодов и т.д., плетение корзин, сооружение хижин и приготовление пищи. Вместе с тем, женщины могли делать ту же работу, что и мужчины - плести сети для ловли животных, участвовать в охоте в качестве загонщиц и т.д. В свою очередь мужчины - выполнять женскую работу, в частности, собирать грибы, коренья и т.д. Естественно, что в этих условиях "не могло возникнуть ни религиозных представлений, ни обрядов, связанных с обособленной деятельностью полов, равно как и освещенного традициями закрепления отдельных видов труда за тем или иным полом" (Turnbull C. Wayward Servants. L., 1965. P.151).

У мбути деление по половому признаку проводилось только в отношении родителей, а также жениха и невесты, т.е. ограничивалось исключительно сферой брачных отношений, которые отождествлялись с деторождением. Поэтому в их системе родства, за исключением родителей - отец (епа), мать (ема), деления по половому признаку не было. Бабушки и дедушки обозначались одним словом - тата, дети одних родителей (сиблинги) - ариап или моко, дети - мики. Других обозначений родства нет.

Безразличие мбути к выделению полов в системе родственных связей компенсировалось четкой дифференциацией поколений, поскольку разделение труда между последними составляло основу их трудовой кооперации. Ведущее место в ней занимало среднее поколение, обеспечивающее всю группу добычей.

Каждое поколение составляло возрастной класс, имеющий свои общественно признанные функции, члены класса называли себя сиблингами - общими детьми более старшего поколения, чьи мужчины и женщины считали себя их матерями и отцами независимо от реального положения дел. Если мбути покидали свою группу и присоединялись к другой группе, они переставали считаться родственниками тех, кого покинули, и становились родственниками своего поколения членов группы, к которой присоединились. У мбути, как и у всех народов на ранних этапах истории социально значимые отношения имели форму отношений родства, независимо от реальных биологических связей, фиксируемых, когда эти функции одинаковы, одними и теми же терминами родственной близости.

Энгельс же вслед за Морганом ошибочно исходил из того, что существует тождество между терминами родства и их биологическим содержанием. Поэтому они полагали, что в общественных организмах типа тех, что были у мбути (они называли их кровнородственными семьями) в рамках одного поколения существовали только беспорядочные половые связи. Но это неверно, ибо, например, у мбути уже зародилась индивидуальная семья.

Эта семья не имела ничего общего с пуналуальной, которая, по мысли Энгельса и Моргана, вырастала из кровнородственной семьи. В пуналуальной семье, писал Энгельс, "известное число сестер, единоутробных или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т.д.) были общими женами своих мужей, из числа которых исключались их братья; эти мужья называли один другого не братом, они и не должны были быть братьями, а "пуналуа", т.е. близким товарищем, так сказать associe. Равным образом ряд братьев, единоутробных или более дальней степени родства, состоял в общем браке и с известным числом женщин, но только не своих сестер и эти женщины называли друг друга пуналуа" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.44). По Энгельсу, в рамках пуналуальной семьи, исключение половых отношений между боковыми родственниками происходило стихийно.

Но семей, основанных на групповом браке, которые Энгельс и Морган называли пуналуальными, в действительности никогда не существовало. Это, разумеется не

исключает того, что до сих пор существуют большие семьи, где, например, дети братьев называют последних отцами. Но это отнюдь не означает, что в таких случаях братья живут в групповом браке с их матерями. Дело заключается в другом - по отношению к этим детям братья выступают в роли отцов, что и фиксируется соответствующим классификаторским термином (См.Tuupainen M. Marriage in Matrilineal African Tribe. Helsinki, 1970. P.33).

Несоответствие в подобных случаях терминов родства реальной родственной близости происходит не потому, что "форма семьи меняется раньше, чем система родства" (Морган Л.Г. Древнее общество. С.254), как считал Энгельс вслед за Морганом, а потому, что они выражают определенное социальное отношение, независимое от подлинных биологических связей. Иначе говоря, одинаковые термины родства применяются ко всем, кто персонифицирует одинаковые социальные отношения. Насколько классификаторская система родства еще имеет широкое распространение в Тропической Африке можно судить по существующему здесь браку между женщинами. "Статус отца социальный, - пишут Г.Хантингфорд и К.Белл, - а не биологический и отцом человека считается муж его матери независимо от того, кто принимал участие в его рождении. Это особенно ярко видно из обычая народов Восточной и Западной Африки, который разрешает одной женщине жениться на другой. О существовании такого брака известно у народов Восточной Африки: нанди, динка, нуер и бавенда, у народов Западной Африки - у юруба, нупе, ибо, калабари и дохома. Согласно обычаю нанди, лишившаяся мужа пожилая женщина, которая обладает достаточным количеством скота, чтобы оплатить (что сказывается в цене) брак с молодой женщиной, может стать ее легальным мужем. Молодая женщина в таком случае становится женой по выбору "мужа" и дети, которых она может иметь, будут считаться детьми ее мужа в юбке. Последняя выступает в роли отца. Таким образом можно выполнять очевидно немыслимые в данной ситуации обязанности отцовства, потому, что отцовство с человеческой точки зрения (human point) социальный, а не биологический акт (Huntingford G., Bell C. East African background. L., 1950. P. 43). Следовательно, термины родства, которыми оперируют африканцы, как и народы

других регионов земного шара, зачастую определяют не столько "кровное", сколько социальное содержание и потому ими нельзя пользоваться в качестве критерия существования группового брака.

Как показывают этнографические наблюдения, семейные отношения уже с самого начала выступают в качестве антитезы неупорядочным половым связям, в том числе и групповым. В частности, у мбути не было строгих запретов половых отношений в пределах возрастных классов, если эти отношения не были связаны с деторождением. Однако, чтобы иметь потомство мбути необходимо было вступить в брак. Условием его заключения являлось отсутствие у партнеров прямого родства с одним и тем же дедом и с одной и той же бабкой, последнее указывает на зарождение одновременно семьи и генеалогии, которая позднее разовьется в большесемейных отношениях.

Предшествующее браку сватовство у мбути не имело ничего общего с договоренностью о выкупе невесты, характерной для более поздних большесемейных обрядов. Обычно оно сопровождалось обменом лишь небольшими подарками. В частности, юноши дарили родителям невесты или убитое животное или лук со стрелами. После достижения согласия молодая пара в зависимости от обстоятельств поселялась или в группе мужа или в группе жены. Брак считался состоявшимся только после рождения ребенка и мог быть расторгнут по желанию любой из сторон. Фактически мы здесь имеем дело с той самой парной семьей, которую Энгельс считал развившейся из пуналуальной семьи.

Хозяйственная деятельность такой парной семьи еще находится в зачаточном состоянии. Расширению этой деятельности препятствует организация труда по поколениям. "В группе почти вся деятельность, - пишет К.Тернбулл, - организована скорее по поколениям, чем по родственным связям (под которыми он понимает связи семейные. - *Ю.И.*). Женщины одного возраста помогают друг другу в сооружении хижин, в сборе даров леса и приготовлении пищи... Мать часто передает дитя другим женщинам даже в период кормления грудью, если ей нужно отлучиться из лагеря. После того как ребенка отнимают от груди он может

безотказно питаться в любой семье. Но это обязывает его слушаться любого взрослого" (Turnbull C. Peoples of Africa. P. 293, 305). Как подчеркивает К.Тернбулл, образование и воспитание ребенка старше 3-4-х лет становится уделом не семьи, а всех взрослых. Естественно, что в таких условиях семья не могла превратиться в экономически самостоятельную ячейку, последнее облегчало ее распад по желанию одного из партнеров, заботы которых о собственном потомстве были еще крайне ограничены.

Парная семья - это первая форма семьи в истории человечества. Энгельс же в качестве таковой считал так называемую кровнородственную семью, по основным параметрам совпадавшую, он мог бы сказать, с кочующими группами мбути. "Кровнородственная семья, - пишет Энгельс, - первая ступень семьи. Здесь брачные группы разделены на поколения: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и дети их дети, т.е. отцы и матери, равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети правнуки первых - четвертый круг" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.42). В условиях присваивающего хозяйства вряд ли старики могли доживать до того возраста, когда они становились прадедами. Однако указанное Энгельсом деление общества на экзогамные возрастные классы сомнения не вызывает.

Подобные бродячие группы отнюдь не были семьями, а были группой людей, считавших себя родственниками. Фактически мы имеем здесь дело с подразделениями тотемических родов, члены которых полагали, что они находятся в родстве с каким-нибудь животным. Семья отнюдь не предшествовала роду. Наоборот ей самой предшествовал тотемический род. В его недрах и зародилась ее наименее развитая форма - парная семья, которую Энгельс ошибочно относил к третьей ступени развития семейного организма.

Род у пигмеев имел мало общего с родовыми организациями, описанными Морганом и Энгельсом. Его экономической основой были исключительно охота и собирательство, тогда как Морган и Энгельс пытались конструировать родовые отношения на базе производящего хозяйства.

Важно и то, что рассматриваемые нами родовые организации не были экзогамными. Экзогамия в них существовала только в отношениях между поколениями. Причем ее природа была обусловлена не "инстинктивной, стихийной без сознания цели" борьбой с кровосмешением, как думал Энгельс, увязывающий ее с дарвиновским естественным отбором. Первопричиной рождавшейся экзогамии было действие прежде всего экономических факторов, а именно разделение труда между поколениями родственников. Оно было бы невозможно, если бы брачные отношения охватывали людей разных возрастных классов. Таким образом экзогамия есть следствие не естественных, а общественных факторов, следствием же экзогамии явилось устранение кровосмешения между поколениями.

Изучавшиеся К.Тернбуллом родовые группы были более демократически организованы, чем принято обычно считать, следуя Моргану и Энгельсу. Во главе их не было старейшин. "Когда группы объединяются, - пишет К.Тернбулл, - им не нужно переходящего по наследству централизованного руководства, равно как и их производственная кооперация не предполагает либо по крайней мере делает излишними любые его формы... В разных сферах труда есть свои авторитеты. К их совместному суждению прислушиваются лучше, чем к другим (Turnbull C. Peoples of Africa. P. 302-303).

В Тропической Африке переход от присваивающего хозяйства к производящему завершился сравнительно недавно - во второй половине 2-го тысячелетия. Поэтому следы организации тотемических родов в регионах, где сельское хозяйство стало ведущим, сохранились. Так, в Южной Африке в племени басуто были обнаружены «группы, находящиеся вне структуры племен. Для этих групп у туземцев нет специального названия. Входящие в них члены считают себя породненными с каким-нибудь животным или с какими-то предметами. В прошлом, если это было животное, то человек, находящийся с ним в такой связи, не смел есть его мясо, пользоваться шкурой и даже прикасаться к нему, боясь навлечь на себя беду. Еще более страшные последствия могло вызвать убийство ненападавшего на него животного» (Hoernle W. The Bantu-speacking tribes of South Africa. L., 1937. P/ 92).

Подобные группы, по-видимому были когда-то тотемными родами со своей территорией, где они занимались охотой и собирательством. Сегодня члены тотемических родов уже не собираются вместе, а обычай родовой взаимопомощи практически исчез. Однако представления о тотемах еще живы в памяти многих африканских народов, так или иначе сохраняющих в своих отношениях соответствующие правила поведения, следующие этим правилам считаются родственниками. Такие представления, в частности, зафиксированы. Е.Мвамулой-Лубанди у басога (Уганда), Л.Холи у тонга (Замбия и Зимбабве), Г.Линдбломом у акамба (Кения), Т.Бейделманом у кагуру (Танзания), М.Джаспаном у ила (Замбия) и т.д.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему везде протекал крайне медленно, охватывая не одно тысячелетие. Энгельс ошибался, когда писал: “На Востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, по-видимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.31). Сегодня научно доказано, что на Востоке земледелие и скотоводство зарождались одновременно (См., напр.: История древнего мира. Ранняя древность. М, 1982; Шнирельман В.А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // Вестник древней истории. М., 1989. № 1). Кочевое же скотоводство в качестве самостоятельной отрасли появилось значительно позднее, когда земледелие в районах его зарождения уже превратилось в основной источник существования.

На начальном этапе своего развития земледелие и скотоводство в течение длительного времени были побочным занятием, тогда как основным по-прежнему оставались охота и собирательство. В Тропической Африке даже переход к использованию раннего железа не изменил этого соотношения. “В Тропической Африке, - пишет, например, Б.Фаган, - мы наблюдаем по меньшей мере интересный парадокс: для начинающего земледельца эпохи неолита переход к раннему железу помимо прочего означал усиление интенсивности занятий охотой и рыболовством с перемещением поселений в соответствии с нуждами последних” (The Cambridge History of Africa. V.2. L., 1978. P.360). Лишь с переходом к позднему железу - а это произошло здесь уже в нашем тысячелетии - человек обрел орудия труда, позволявшие ему производить расчистку земли от древесной растительности для дальнейшей ее обработки, и только с этого времени земледелие во всех регионах Тропической Африки стало основным занятием населения. Занятие земледелием так или иначе предполагало оседлость, в корне менявшую быт эпохи охоты и собирательства.

Важно и то, что земледелие развивалось не на коллективной, а на семейной основе. При этом почти все земледельческие работы, особенно на первых порах, выполняли женщины и дети. Именно они рыхлили почву, высаживали растения, пололи, собирали урожай и т.д. Земледелие расширило сферу приложения детского труда. “Маленькие дети, - пишет Г.Кваль, - могли выполнять простые работы по уходу за растениями на много раньше, чем им можно было доверить сбор лесных плодов и участие в охоте” (Guale G. R. A History of Marriage Systems. N.Y., 1988. P.59). Их труд требовал постоянного надзора, а, следовательно, и ухода, что находилось в противоречии со старыми родовыми порядками, когда, по словам К.Тернбулла, уход за ребенком был делом всей группы.

В условиях присваивающего хозяйства кровнородственные связи ребенка не имели значения, поскольку после трех-четырех лет он становился ребенком всех взрослых группы. С зарождением земледелия положение изменилось. Детские руки, став руками рабочими, оказывались в распоряжении матерей, обрабатывающих землю и выращивающих урожай на своих участках. А это в свою очередь, требовало фиксации принадлежности детей к хозяйству, которое вела их мать. Поэтому естественной формой стал учет происхождения ребенка по материнской линии. Происхождение явилось формой общественного признания права распоряжаться детским трудом. Таким образом, возникновение матрилинейности было вызвано отнюдь не существованием группового брака, как полагали Морган и Энгельс, брака которой не позволял устанавливать происхождение по мужской линии, а производственными отношениями, порожденными переходом от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему.

В результате этого перехода семья постепенно превращалась в основную экономическую ячейку общества, интегрировавшую в единое целое родителей и детей. Тем самым в недрах родового строя постепенно развивалась новая структура, несовместимая со старой, покоившейся на горизонтальной сегментации поколений родственников. Последнюю стала вытеснять вертикальная интеграция родственных связей, порой охватывавшая множество поколений.

Само развитие земледелия и скотоводства требовало увеличения в семьях числа рабочих рук, в первую очередь женских и детских. При этом земледелие отчасти само облегчало решение этой задачи. "Переход к потреблению зерновых, - пишет Г.Кваль, - даже без молока животного происхождения сокращал период кормления ребенка грудью. Другим его следствием было уменьшение времени непрерывного выделения грудного молока, что позволяло кормить младенца с перерывами в 2-4 часа. Хотя при этом возникала опасность появления грудницы, зато женщина получила возможность трудиться в поле или саду. Ребенок же оставался в хижине или люльке под присмотром старших детей или взрослых. В то же время сокращался срок противозачаточного эффекта продолжительной лактации, подобно тому как это бывает при раннем прекращении кормления грудью. Случаи беременности на ранних этапах развития производящего хозяйства возросли в два-три раза по сравнению с тем временем, когда женщина занималась лишь собирательством и участвовала в охоте. В свою очередь рост деторождения всячески приветствовался, поскольку служил источником дополнительных рабочих рук" (Guale G.R. A History of Marriage Sistems. P. 59). Согласно оценке, проведенной В.М.Массоном, после перехода к земледелию и скотоводству население земного шара возросло в 15 раз (Массон В. Первые цивилизации. Л., 1989).

По мере превращения земледелия в основной источник существования, оно все больше переставало быть делом малой семьи, поскольку последняя была не в состоянии регулярно обеспечивать воспроизводство сельскохозяйственной продукции. Нуждаясь в рабочей силе, производящие хозяйства в орбиту своей деятельности вовлекали женатых и неженатых родственников, а также рабов. На

этой почве росли большесемейные коллективы. Эти коллективы всегда возглавляли мужчины.

Как только земледелие в Тропической Африке вышло за границы долин рук и ручьев, и уже мужчина стал расчищать землю от древесной растительности для посева, его труд начал занимать доминирующее положение в хозяйственной жизни, поскольку определял масштабы последующих стадий производства, на которых трудились женщины и дети. В больших семьях, еще остававшихся матрилинейными и матрилокальными сразу же стало формироваться патриархальное содержание отношений. Теперь семьи возглавляли старшие братья сестер. Матрилинейность, как пишет Жана Хен, "не подменяла фундаментальный принцип патриархального домашнего руководства. Мужчина, а не женщина, контролировал землю и жизнь домочадцев. Он заключал браки и представлял семью во внешнем мире. Как и в патриархальных обществах с женщиной не советовались относительно ее замужества, а ее брак подразумевал те же обязательства трудиться в интересах мужа" (African Women South of the Sahara. L., 1991. P.8). Власть старших братьев в матрилинейных больших семьях была настолько велика, что они по своему усмотрению могли продавать женщин в рабство за долги, в качестве возмещения ущерба и т.д. (См., напр.: Tew M. Peoples of the Lake Nyasa region. L., 1980. P. 11,13).

Матрилинейность и матрилокальность отнюдь не сопровождались расширением прав женщин и преобладающим их влиянием в обществе, как утверждал, в частности, марксизм, следуя традициям европейской исторической науки, положенным еще в XYIII в. Джоном Миллером. Парадокс истории заключался как раз в том, что в тотемических родах собирателей-охотников, где не было строгого разделения труда по половому признаку, женщины пользовались большей свободой, чем тогда, когда ее производственные функции оказались строго разграниченными с производственными функциями мужчины, и возник матрилинейный отсчет родства. В эпоху присваивающего хозяйства женщину нельзя было помимо ее воли выдать замуж, продать в рабство и т.д. Тогда ее права мало чем отличались от прав мужчины, о чем свидетельствует отсутствие

общественно признанного деления по половому признаку. О нем вспоминали только тогда, когда речь заходила о половых связях, брачный характер которых определяли сами партнеры в чем-то даже более свободные, чем в современном обществе, поскольку они не были связаны с отношениями собственности. Дж.Кваль во многом права, когда пишет: "Только в индустриально-коммерческих обществах нашего времени заключение брака и супружеская жизнь - проблема прежде всего тех, кто женится. Это может показаться почти возвратом к прошлому, к отношениям собирателей-охотников... Таким образом в широком смысле системы брака и связанные с ними порядки распоряжения собственностью, включая наследование, представляются в виде спирали, следующей эволюции экономических, социальных и политических отношений" (Guale G.A. A History of Marriage Sistems. P.7).

Большие семьи были основными социально-экономическими ячейками нового общества, возникшего в результате перехода от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему. Они объединяли свободных и несвободных под властью главы семьи. Ее размеры определялись отнюдь не биологическим ростом малой семьи, а прежде всего ее имущественным положением, позволявшим приобретать рабов, а также привлекать трудиться как родственников так и неродственников. Обычно ядро большой семьи составляли лица трех-четырех поколений, ведущих отсчет родства от общего предка.

В свою очередь и сами большие семьи устанавливали между собой связи в форме семейного родства с общим предком, как бы проецируя присущие им отношения на объединения большесемейных коллективов. При этом генеалогические связи как и в самих больших семьях включали в отсчет родства только наиболее состоятельных авторитетных предшественников. Причем, как справедливо отмечает Э.Эванс-Причард, действительно кровные связи имелись лишь в немногих случаях (Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. М., 1985. С. 213). Иначе говоря, родство между главами большесемейных коллективов зачастую было фиктивным. Тем не менее оно четко фиксировало место в системе складывавшейся иерархии родственных связей, а вместе с ним и соответствующие ему права и обязанности.

Большесемейные отношения породили свою систему родства, существенно отличающуюся от той, которая была присуща тотемическим родам. Она была более дробной и четко выделяла родственников по половому признаку. Если, например, у мбути - собирателей-охотников - насчитывалось всего пять терминов родства, то у народов перешедших к производящему хозяйству их обычно насчитывается несколько десятков. Эта дробность не исключала ее классификаторского характера, при котором одним и тем же термином независимо от реальных кровных связей называют всех лиц, чьи социальные функции одинаковы.

В отечественной науке возникшие на почве большесемейных отношений организмы принято называть патронимией, которую обычно рассматривают в качестве общественной формы, свойственной патриархально-родовому строю, где якобы еще существовала "коллективная собственность на землю и основные средства производства, а равно и коллективное потребление продуктов этого производства" (См. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С.4). Такая качественная характеристика большесемейных связей неверна, так как в это время ни рода как общественной организации, ни первобытно-коммунистических отношений уже не было.

Принятый же в мировой этнографической науке термин линидж, обозначающий большесемейные структуры, тоже имеет свои недостатки, но противоположного характера. Он не содержит качественной характеристики большесемейных отношений. Тем не менее нам представляется этот термин более приемлемым, поскольку он четко фиксирует формы большесемейных организмов, начиная от большой семьи (минимальный линидж) и кончая объединением больших семей, ведущих отсчет родства от общего предка (максимальный линидж).

Энгельс же вслед за Морганом то, что мы сегодня называем матрилинейными линиджами, рассматривал как матриархатные роды, позднее трансформировавшиеся в роды патриархатные. Уяснение матриархата и патриархата он считал ключевыми моментами в понимании истории древнего мира. "Это вновь сделанное открытие первоначального рода, - писал Энгельс, -

основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся историческая наука" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.223).

Этот стержень, будучи полезным на определенном этапе изучения истории древнего мира, сегодня окончательно рухнул под тяжестью накопленного этнографами громадного фактического материала, доказавшего, что общественные структуры, считавшиеся родами, основанными как на материнском, так и на отцовском праве, были разновидностью большесемейных организмов, которым предшествовали тотемические роды эпохи охоты и собирательства. В таких действительно первоначальных родах существовала система коллективного родства, базировавшаяся на первобытно-коммунистических отношениях. Позднее в ходе исторического развития эти организации распались на линиджи, где отсчет родства был уже индивидуален и велся от общего предка.

Хотя роды и линидж представляют организации, построенные на родственных связях, они качественно различны. Поэтому определения формальных различий присущих им систем родства часто бывают недостаточны, чтобы раскрыть существо дела. В качестве примера такого определения может служить в частности определение, данное в известном сборнике "Африканские системы родства и брака", в котором указывается, что различия между родом и линиджем строятся на том, что у членов рода установить общего предка обычно невозможно, тогда как у членов линиджа такую связь с общим предком (подлинную или мнимую) можно проследить" (African Systems of Kinship and Marriage. L., 1950. P.40).

Подобного рода зыбкие различия определений рода и линиджа объясняются не только субъективными предпочтениями исследователей выделять тот или иной признак, но и сложностью процесса исторического формирования линиджных связей. Как известно, тотемизм свойственен роду, а культ предков - линиджам. Но между полным отмиранием тотемных верований и окончательным вытеснением их культом предков, как показывают материалы этнографов, существовал длительный период, когда такие верования и культы сосуществовали на линиджном уровне одновременно, фиксируя в одном случае невозможность определить антропоморфного предка, в другом - возможность этого.

Исторические изменения зачастую происходят с замечательной постепенностью - содержание качественно меняется, тогда как старые формы лишь медленно вытесняются новыми. Например, у луо, пишет А.Батт, клан имеет линиджную структуру, а линиджи, отпочковываясь добавляют новый тотем к старому тотему клана (Butt A. The Nilotes of Anglo-Egiptian Sudan and Uganda. L., 1952. P.110). В результате такого увеличения числа почитаемых тотемов линиджи добивались независимости от прежней системы связей, в которой они занимали подчиненное положение. Таким образом переход от родовых отношений к большесемейным на первых порах сопровождался ростом числа тотемов. Иначе говоря, тотемические верования в это время как бы получали дополнительный импульс для своего развития, что естественно не исключало существования наряду с ними культа предков. Это служило почвой, на которой произрастали синкритические представления. В частности, ачоли (их линиджная структура не вызывает сомнения) говорили известному этнографу Ф.Гирлингу, что есть люди, способные по желанию частично превращаться в тотемных животных. В таких случаях, по их утверждению, человеческий зад становится головой льва либо леопарда (Girling F. The Acholi of Uganda. L., 1960. P.78). Подобные синкритические представления, правда, не в такой примитивной форме возникают не только у африканцев, но и у изучающих первобытный мир исследователей, порой приписывающих черты большесемейных отношений роду и наоборот черты рода линиджным структурам.

Сегодня накопились горы литературы, доказывающей, согласно канонам марксизма, что род экзогамен. В действительности, в этом вопросе родовой организации приписывают большесемейные черты. Род всегда эндогамен, что, правда, не исключало существования внутри него экзогамных групп. Мы уже отмечали: участие индивида в родовом разделении труда определялось его принадлежностью к коллективу определенного поколения родственников (фактических или мнимых), которая фиксировалась в форме экзогамии возрастных классов. Таким образом, разделение труда здесь выступало в форме взаимодействия чередующихся поколений родственников. Других форм разделения труда род еще не знал, ибо, вопреки утверждениям Энгельса, в родовых организациях не было как тех, кто управлял, так и тех, кто исполнял их распоряжения.

Иное дело организация труда в большесемейных коллективах, где она уже имела иерархизированный характер функций управления и исполнения. А так как эти функции закреплялись здесь в соответствии с индивидуальным местом в системе родства, то эндогамия неизбежно должна была вносить хаос в эти отношения. Так, если бы мужчина имел ребенка от дочери, то ребенок одновременно был бы братом или сестрой своей матери, что влекло бы за собой иной спектр прав и обязательств. Или другой пример. Если бы женщина в матрилинейной и матрилокальной большой семье вышла бы замуж за сына, то тогда бы у него появились отличные от мужа права и обязательства. Ему не нужно было бы отрабатывать в хозяйстве тещи, поскольку он был бы ее внуком.

Консервации связей индивида в соответствии с его местом в системе большесемейного родства, были подчинены все брачные отношения, включавшие не только экзогамию в одних случаях и отклонения от нее - в других, но и левират - обычай, обязывающий младшего брата умершего жениться на его вдове. "У большинства племен, - отмечает южноафриканский этнограф Эйзелен, - вдова передается младшему брату покойного мужа или кому-либо из ближайших его родственников, чаще всего сыновьям". Наследование вдовы старшим братом, по мнению Эйзелена, комментирует далее Д.А.Ольдероге, несовместимо с иерархией

существующей в обществе банту. Дело в том, что у банту все дети старших братьев считаются независимо от своего действительного возраста старше детей младших братьев. Наследование же вдовы младшего брата старшим внесло бы путаницу в эти порядки, так как привело бы к тому, что дети этой женщины, рожденные ею прежде, должны были бы считаться старшими наравне с детьми, рожденными ею от старшего брата, наоборот, дети, рожденные ею после смерти мужа от его старшего брата, должны быть приравнены к детям, рожденным ею прежде" (Ольдероге Д.А. Эпигамия. М., 1983. С. 114).

Насколько порой сложной была иерархическая система большесемейного родства можно судить, например, по тому как ее описывает П.Гуливер, изучавший племя джи. "Отсчет старшинства, - пишет он, - ведется по происхождению; его градация определяется временем вступления в брак жены главы семьи. Среди сыновей одной и той же матери иерархия устанавливается в зависимости от времени их рождения. Если различия в возрасте сыновей превышают пять лет, отсчет старшинства не зависит от места, которое занимает их мать. В тех же случаях, когда разница в возрасте менее пяти лет система иерархии модифицируется - мужчина считается старшим по отношению к родственнику, старшему по возрасту и занимающему такое же место среди потомков матери, имеющей более низкий ранг, или занимающему более низкое положение среди потомков матери, считающейся старшей по отношению к его матери" (Gulliver P.H. The Family herds. L., 1955. P.64).

Иерархическая градация подобного типа являлась лишь выражением реальных прав и обязательств, связанных с распоряжением имуществом, повинностями и т.д. или, иначе говоря, с определенными экономическими отношениями, консервировавшимися посредством экзогамных норм. Еще великий английский этнограф Рэдклиф-Браун указывал, что в примитивных обществах в отношениях родства проявляются определенные социальные отношения, подчеркивая тем самым примат их общественной природы. В условиях большой семьи указанная особенность родственных связей выступает еще четче, чем в тотемических родах, и требует окончательной победы в большесемейных структурах принципов

экзогамии, тех самых принципов, которые в тотемических родах только зарождались и еще не могли стать всеобъемлющими.

Иногда, правда, отмечают, что экзогамность нарушается при заключении широко практиковавшихся перекрестно-кузенных браков между лицами, находящимися на положении братьев и сестер. Однако в таких случаях не учитывается, что речь идет о партнерах, принадлежащих к разным линиджам и поэтому браки между ними не влекут за собой нарушения системы прав и обязательств внутри этих организаций.

Если экзогамность - свойство большесемейных структур - необоснованно приписывалась роду, то при характеристике производственных отношений большесемейных структур им необоснованно приписывались первобытно-коммунистические черты, типичные для родовых организаций. На самом деле отношения в больших семьях с деспотической властью тех, кто их возглавлял, были бесконечно далеки от энгельсовских представлений "о старом коммунистическом домашнем хозяйстве, охватывавшем много брачных пар" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21, С.76). Как известно, Энгельс подвергал сомнению утверждение Маркса о деспотической власти главы римской семьи. "Римскую семью, - писал он, - также относят к этому типу (имеется в виду патриархальная домашняя община. - *Ю.И.)* и в соответствии с этим в последнее время подвергают весьма большому сомнению как абсолютную власть домохозяина, так и бесправие по отношению к нему остальных членов семьи" (Там же. С.63). В качестве типичного примера большесемейной общины он брал южнославянскую задругу, идеализируя существовавшие в ней отношения. "Она охватывает, - писал Энгельс, - несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (domacin), который представляет ее перед внешним миром, имеет право продавать предметы, ведает кассой, неся ответственность как за нее, так и за правильное ведение всего хозяйства. Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старшим по возрасту... Но

высшая власть сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов общины как женщин, так и мужчин" (Там же. С.62).

Здесь Энгельс идеализирует не большую семью эпохи завершившегося перехода от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему, а большую семью XIX в., когда семейная кооперация становилась основой кооперации капиталистичекой. Первый тип большой семьи предшествовал моногамной, второй являлся результатом развития последней. Сегодня этот факт развития задруги из индивидуальных моногамных семей доказан не одним ученым (См. напр.: Фрейденберг М.М. Крестьянство на Балканах в XII-XYIII вв. Калинин, 1984. С.12). Естественно, что возникавшая при этом семейная кооперация была лишена примитивных коммунистических черт. Домохозяин деспотически распоряжался как средствами производства, так и рабочей силой семьи, стремясь обеспечить максимальный доход.

Еще менее "коммунистичны" были отношения в большой семье эпохи завершившегося перехода от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему. В этих семьях громадную роль играло внеэкономическое принуждение домочадцев главами большесемейных структур. Оно охватывало буквально все сферы жизни, включая и брачные отношения. Последние были далеки от заверений "деве юной любви вечной на земле". Брачные контракты заключались главами больших семей, не спрашивая желания тех, кому предстояло жениться. В результате таких контрактов происходила передача от одного линиджа другому права за плату (часто в виде скота) распоряжаться рабочей силой будущей жены и ее детей. Существо этих отношений порой четко улавливают даже африканские дети. Например, в племени пенде они заявляли этнографам, что вырастают в рабстве, если за их мать выплачивается выкуп (Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С.52).

Не случайно и то, что южноафриканские банту нередко обозначают родство по браку словами "родство по скоту" (Ольдероге Д.А. Эпигамия. С.110). Такое же выражение "родство по скоту" встречается и у народов Восточной Африки. "Родственные отношения, - пишет М.Вилсон, - строятся на передачах скота, как

сказал мне один интеллигентный туземец из племени ньякьюса, обсуждая в 1936 г. проблемы брака и семьи. Между линиджами происходил обмен скота на женщин, который давал супругу исключительные права на занятия любовью, а также на ее труд и труд рожденных от нее детей" (Wilson M. For Men and Elders. L., 1977. P.30). Энгельс ошибался, объясняя "похищения и покупки женщин" их редкостью (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.52.). Дело заключается в другом. В рассматриваемый период основные земледельческие работы приходились на женщин и детей, использование же мужского труда было ограничено. Поэтому в случае военных столкновений "лишних" плененных мужчин обычно убивали, тогда как женщины и дети как правило были желанной добычей победителей. Так в свое время поступали и на Востоке.

Энгельс ошибался и тогда, когда утверждал, что государство исторически возникло на развалинах родового строя, органы которого "превратились в органы государства" (Там же. С.51,151). Род и государство разделяет продолжительная историческая эпоха господства большесемейных отношений. Ее зрелая стадия, предшествовавшая эпохе возникновения государства, характеризуется существованием иерархически объединенных линиджей, отношения между которыми строились на большесемейных принципах родства по крови и браку - реальных или мнимых. "У объединений линиджей, - пишут Дж.Миддлтон и Д.Тейт, - часто обнаруживаются различия между господствующем линиджем и примкнувшим к нему. У лугбара так же как и у нуер власть такого господствующего линиджа не распространяется за его пределы, но обеспечивает внутреннюю структуру формально признанной общности. Это позволяет значительному числу линиджей не связанных родством друг с другом, признавать свое территориальное единство при высокой степени взаимозависимости и соблюдения организованных норм" (Tribes without Rulers. L., 1958. P.11). Именно с подобными объединениями линиджей у североамериканских индейцев имел дело Морган, ошибочно считая (а вслед за ним и Энгельс), что он имеет дело с родовыми объединениями. "У очень многих индейских племен, насчитывающих более пяти или шести родов, - писал Энгельс, - мы встречаем особые группы,

объединяющие по три, четыре и более родов; Морган называет такую группу фратрией (братством), передавая индейское название точно соответствующим ему греческим понятием" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.90). Мы еще вернемся к вопросу о фратриях. Пока же следует подчеркнуть, что объединения линиджей отнюдь не оставались неизменными. Одни линиджи приходили в упадок, другие крепли, наконец, на базе большесемейных отношений возникали новые линиджи и т.д. Все это сказывалось на структуре и мозаике линиджных объединений.

Во главе линиджей неизменно стояли только состоятельные люди. "Непременным условием признания лидирующего положения в клане, - пишет Г.Вагнер, отождествлявший клан с линиджем, - обладание состоянием. Те, кто имеют большое стадо скота, постоянно наполненные зернохранилища, а также жен и слуг, чтобы варить пиво, всегда найдут достаточно людей, чтобы их превозносили, а их дома становятся любимым местом сборищ, особенно старейшин... К тому же состоятельный человек может оказывать и более ощутимое воздействие, давая взаймы козла или барана для жертвоприношения, или телку для выкупа невесты, или корзину зерна в случае нужды. Тот, кому часто оказывается такая помощь, обязан восхвалять своего кредитора и оказывать ему мелкие услуги. Если же должник не в состоянии расплатиться, то тогда ему приходится трудиться на кредитора: пасти его скот, пропалывать ему участок, а также чинить его жилище" (Wagner G. The Bantu of North Kavirondo V. 1. L., 1949. P.79).

Богатство давало возможность закабалять малоимущих членов линиджей. К тому же главы линиджей обладали и другими рычагами, позволявшими им укреплять свою власть. В частности, они выступали в роли судей и жрецов культа предков.

Однако с ростом богатства роль его обладателя в обществе переставала совпадать с занимаемым им местом в линиджных структурах. Этот факт доказан многими этнографами. "Опи, - пишет, например, о лугбара Дж.Миддлтон, - это хорошо известные и богатые люди, у которых много зависимых. Они не передают свой титул потомкам. В прошлом они обладали очень большой властью и влиянием. Утверждают, что при их посредничестве разрешались споры... Во время голода многие из отдаленных округов шли к ним, чтобы получить продовольствие, и за это

становились зависимыми от них" (Tribes without Rulers. P.27). Таких же влиятельных лиц, под названием "хорошо известные" Э.Уинтер, в частности, обнаружил у бвамба (Уганда), а Р. и Б. Ле Вины - у гузии (Кения), где они назывались абатурети (Winter E. Bwamba. Cambridge, 1956. P.106; Le Vine R. and Le Vine B. Nyasongo. N.Y., 1966. P.68). Э.Уинтер подчеркивает, что их положение не определялось формальной структурой линиджей, они находились вне ее. Рост их числа и влияния свидетельствовал об упадке традиционной власти глав линиджей.

В руках таких влиятельных людей, положение которых в обществе не соответствовало их месту в линиджной структуре, все более сосредоточивалась реальная власть, подкрепляемая силой оружия. У гузии, указывают Р. и Б. Ле Вины, "старейшины в прошлом не имели средств, которые позволяли бы принуждать выполнять выносимые ими решения. Они могли лишь рассчитывать, во-первых, на помощь того, в чью пользу принято решение; во-вторых, - на уважение общины к их возрасту и сознание законности выполняемых ими функций; в-третьих, на боязнь невыполнившего их решения быть отлученным; в-четвертых, на клятвы, призывающие на помощь духов предков; в-пятых, на военное принуждение со стороны богатого и влиятельного человека (абатурети - *Ю.И.)*" (Le Vine R. and Le Vine B. Nyasongo. P.68).

Таким образом, у гузии уже не главы линиджей, а влиятельные люди (абатурети) фактически обладали материальными средствами принуждения. Опираясь на большое число зависимых от них, абатурети держали в страхе, как подчеркивают Р. и Б. Ле Вины, бедных соседей (Ibid. P.69.). Здесь уже наблюдается становление аппарата насилия, отделявшегося от народа и противопоставляющегося ему. Особенность этого процесса заключалась в том, что реальная власть абатурети еще не получила формального публичного признания в отличие от традиционной власти глав линиджей. Власть абатурети формально являлась частноправовой, несмотря на то, что ее фактически признавали многие. Неразвитая форма соответствовала неразвитому ее содержанию. По мере роста экономического и политического влияния таких лиц, как абатурети, усиливалось противоречие между старой формой организации и новым ее содержанием, разрывавшим ограниченные

рамки патриархально-семейных отношений. Это противоречие отражало новый этап - этап становления государства.

Мы уже отмечали, что по Энгельсу система догосударственного управления превращалась в органы государства. Но это не так. На самом деле государство рождалось в непримиримой борьбе со старыми организационными формами. Возникала новая публичная власть, новый аппарат принуждения, отличный от того, которым располагали главы линиджей. Эту новую власть возглавили вожди, опирающиеся на дружины и оттесняющие власть глав линиджей в сферу частного права.

Другим следствием возникновения государства стала ликвидация в качестве приоритетного деления общества по принадлежности к линиджам. Ее место заняло деление территориальное. Старые общины превращались в территориально-административные единицы, их размеры определялись теперь главой государства, которого в африканистике обычно называют вождем. Он же назначал и глав этих территориально-административных единиц. Хотя первоначально ими как правило становились главы линиджей, однако в этом качестве они представляли уже не свои большесемейные коллективы, а новую власть в лице государственного аппарата. Последний узурпировал их старые прерогативы распоряжаться землей, решать значимые текущие дела, вершить суд и т.д. Старые же полномочия глав линиджей, лишенные ореола публичного признания, все больше становились сферой частного права. В конце концов это повлекло за собой исчезновение самих линиджей, за исключением их минимальной формы - большой семьи, которая продолжала оставаться краеугольной в социально-экономической структуре общества. Во многих районах Западной и Центральной Африки большая семья сохранялась и тогда, когда остальные линиджные структуры уже давно исчезли.

В свете таких фактов по иному представляется ранняя история государств Греции и Рима, на которую Энгельс экстраполировал схему Моргана. Вопреки его утверждениям, канун становления здесь государственности не был связан с существованием родовых организаций. "Как в "Илиаде", так и в "Одиссее", - пишет, в частности, блестящий знаток гомеровской эпохи Ю.В.Андреев, - Гомер

упорно избегает каких бы то ни было упоминаний о роде. Нигде в эпосе мы не найдем указаний на то, чтобы поэту была известна родовая собственность на землю или какие-нибудь другие виды имущества, нигде не говорится об общих собраниях членов родов и обсуждении ими каких-то важных для них вопросов... Род как социальная группа, определенная группа, единица общественного деления Гомеру практически неизвестен" (Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 75,76).

Если же древние авторы и писали о роде, то фактически имели в виду не родовую, а линиджную организацию. В частности, И.Л.Маяк отмечает, что у Исидора Гиспальского в его "Двадцати книгах этимологии" сказано: "род это много людей, происходящих от одного родоначальника; получил название от генерации фамилий, т.е. от gigenendo". Здесь подчеркнута кровная связь членов родов. Вместе с тем тут выявляется и структура gens. Это поколение фамилий» (Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983. С.121.). Фактически И.Л.Маяк дает описание линиджной структуры, которую она, следуя традиционным марксистским установкам, называет родом. Однако сегодня существование линиджных структур в древнем Риме признается и некоторыми российскими историками, в частности, А.В.Коптевым (См. Коптев А.В. Античная форма собственности и государство в древнем Риме // Вестник древней истории. М., 1992. № 3.).

Линиджные структуры в древней Греции и Риме, как и в Тропической Африке, вырастали на базе большесемейных отношений. П.Франчини, безусловно, прав, когда подчеркивает, что на территории римского государства линидж "возникал одновременно с фамилией, которая в генеалогическом аспекте также может рассматриваться как минимальный линидж" (Там же. С.9). Линиджные структуры существовали здесь еще до возникновения государственности. Они были ведущей формой организации общества. Только принадлежность к ним давала тогда право заниматься сельским трудом, поскольку главы линиджей распоряжались землей. И на территории Рима и на территории государства древней Греции линиджные структуры достигли высокой степени зрелости в виде объединений линиджей. В Риме они назывались куриями, в древней Греции - фратриями. Энгельс же

ошибочно принимал и те, и другие за объединения первобытно-коммунистических родов.

Вместе с тем отмеченная зрелость не исключает сохранение следов более раннего прошлого, свидетельствовавших об эволюции линиджных структур. Так, Г.Момзену удалось установить, что восемь курий имели женские имена. А это указывает на то, что эти курии - объединения линиджей возникли еще тогда, когда существовал матрилинейный отсчет родства. Известно также и то, что матрилинейные следы имели и греческие фратрии, которые И.Л.Маяк считает институтами, возникшими в период материнского рода (См. Маяк И.Л. Рим первых царей. С.99).

Из наблюдений этнографов в Тропической Африке мы знаем, что было время, когда линиджи присваивали себе тотемы. Косвенным указанием на то, что такие же процессы происходили и в древней Греции может служить первоначальное почитание здесь богов в виде животных, которые впоследствии стали их символами. В свое время тотемам поклонялись и те, кто проживал на территории древнего Рима. Римляне, в частности, верили будто некоторые люди могут превращаться в волков. В этом отношении они мало отличались от тех африканцев, которые считают, что при известных обстоятельствах человек может частично превращаться в леопарда или льва. Подобные следы прошлого легко читаются, если иметь верное представление о процессе в целом.

Древний Рим и государства древней Греции дают нам представления о той борьбе, которую пришлось вести с линиджными порядками рождавшейся государственной власти. Как и в Тропической Африке у истоков последней стоял тот, кто обладая достаточными средствами мог в этой борьбе опираться на дружину, не имевшую ничего общего со старыми линиджными ополчениями. Ю.В.Андреев прав, когда пишет, что "в качестве главной и единственной боевой единицы как в ахейском, так и в троянском войске постоянно выступает дружина, явно не имеющая прямого отношения к гентильным объединениям какого бы то ни было толка" (Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. С.77). Такой же дружиной - сборищем безродных смельчаков - по преданиям обладал и Ромул.

Существовавшие в этих военных организациях порядки были далеки от военной демократии, о которой вслед за Морганом так восторженно писал Энгельс. Ю.В.Андреев, анализируя текст "Илиады" и "Одиссеи" доказал, что "скрывающейся за этой моргановской формулой (имеется в виду военная демократия - *Ю.И.*) политический режим в действительности весьма далек от подлинного народовластия и в основе своей представляет собой не что иное, как непрочную, нестабилизированную форму господства знати или примитивную аристократическую республику (Там же. С.109). Разумеется, можно спорить по вопросу о формах возникавшей государственной власти. Но гораздо важнее другое - идеи о несостоятельности стадии военной демократии были опубликованы в 1976 г., что потребовало от Ю.В.Андреева не мало мужества и сил, чтобы преодолеть сопротивление закосневших в азах марксизма коллег и академических чиновников.

О генезисе государства в древней Греции и Риме написано множество работ. Мы же здесь считаем нужным лишь показать на примере раннего Рима, как государственная власть узурпировала прерогативы патрициев, которые возглавляли линиджи. На это обстоятельство российские историки, следуя утверждениям Энгельса о возможности превращения органов управления родового строя в органы государственной власти, не всегда обращают внимание.

Мы уже отмечали, что до образования государства на территории Рима землей распоряжались главы линиджей и что только принадлежность к этим организациям давала право обрабатывать землю. После возникновения государства это право глав линиджей все более ограничивается. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, еще Ромул поделил землю на 30 равных клеров и закрепил их за куриями, оставив при этом часть земли свободной (Маяк И.Л. Рим первых царей. С.200). Уже одно это было прямым вмешательством в поземельные отношения глав линиджей, поскольку раньше земельные владения линиджных объединений не могли быть равны. Кроме того Ромул и его преемники, не считаясь с обычным правом, стали наделять землей тех, кто к линиджам не имел никакого отношения, последнее потребовало появления в округах (пагах) представителей государства, - перфектов, «обязанных следить за тем, чтобы жители пагов добровольно

возделывали землю и не покидали свое местожительство» (Штаерман Е.М. Древний Рим. М., 1978. С. 24). В результате старые линиджные связи все более ограничивались рамками familia. Когда же в 367 г. до н. э. были сняты ограничения на занятие плебеями земледелием на общественных землях, линиджным поземельным отношениям вне рамок большой семьи не осталось места. Распоряжение общественной землей полностью перешло к государству. "Только теперь, - пишет В.В.Коптев, - из производственного коллектива внутри линиджа familia становится самостоятельной социально-экономической единицей. Ее полная независимость стала возможной только с появлением фамильной собственности на землю и законы Лиция-Секстия, как представляется, конституировали ее. Признание за плебеями права на землю означало признание фамильной собственности на нее" (Вестник древней истории. 1992. №3. С.21). Данное высказывание В.В.Коптева в целом не вызывает возражения. Единственно с чем с ним можно не согласиться - это с противопоставлением familia линиджам, поскольку римская большая семья представляла его разновидность - минимальный линидж.

Вторжение государства в сферу поземельных отношений - лишь один из аспектов проблемы. Другой ее аспект - борьба римских царей с сенатом, где заседали патриции - главы линиджей. Во-первых, цари вводили в сенат своих людей, подрывая, так сказать, организацию изнутри. В частности, Деонисий Галикарнасский и Плутарх говорят об удвоении числа сенаторов в правление Ромула - Тита Тация (См. Вестник древней истории. 1992. №3. С.13). Во-вторых, вводившиеся законы так или иначе ограничивали права сенаторов. Не случайно, последние всячески препятствовали фиксации своих прерогатив. И, наконец, в-третьих, оттесняя отношения между линиджами в частноправовую сферу, государство все активнее вмешивалось в святая святых большесемейных отношений - в отношения домочадцев с главой фамилии, ограничивая его деспотическую власть. В частности, по законам XII таблиц сын освобождался из-под власти отца после его трехкратной продажи, запрещалось продавать в рабство женатых сыновей и т.д. Даже боги не были оставлены в стороне от борьбы

государства с линиджными порядками. Хотя в период первых царей культ предков продолжал сохраняться, тем не менее в каждой из 30 курий по указанию Ромула был сооружен очаг и назначен жрец в честь общей для всех римлян богини Весты.

Подобные процессы были характерны не только для античной цивилизации Греции и Рима, но и для всего Востока, что указывает на единство мирового исторического процесса. "Землями в пределах территориальных общин, - писал, например, о Шумере И.М.Дьяконов, - владели домашние большесемейные общины во главе с патриархами. В третьем - четвертом поколении домашние общины обыкновенно делились, но разделившиеся общины продолжали считаться родством, могли иметь общий культ предков, обычаи взаимопомощи и т.д." (История древнего мира. Ранняя древность. М., 1982. С.36). И.М.Дьяконов не пользуется термином линидж, но то, что здесь речь идет о линиджных структурах сомнения не вызывает.

В Шумере рано сложились города-общины (номы), правителями которых были главы линиджных объединений, зависевшие от советов старейшин. Как и везде такие правители были одновременно верховными жрецами, судьями, а в случае нужды и военноначальниками. К середине III тыс. до н. э. здесь по знакомой уже нам схеме начинают возникать номовые государства во главе с лугалями-гегемонами. "Такой лугаль опирался на своих личных приверженцев и дружину, которых он мог содержать, не спрашиваясь у совета старейшин; с помощью такой дружины он мог завоевать другие номы и таким образом стать выше отдельных советов, которые оставались чисто номовыми организациями ... Лугали заставляли совет избирать себя сразу и военноначальником и верховным жрецом, при этом поручая храмовую администрацию вместо общинных старейшин зависимым и обязанным лично правителю людям" (Там же. С.58,59). Таким образом, там, где возникало государство, там неизменно власть глав линиджей сменялась властью государственной администрации, что вело к постепенному разрушению линиджных структур.

Эти процессы нашли отражение и в Библии. Начало ее повествования вводит нас в мир так называемых патриархов, пользовавшихся неограниченной властью, в пределах своих больших семей, называвшихся по древнееврейски beth "отцовский

дом". Этим же термином называли здесь и линиджи, строившие отношения между собой на принципах семейного родства. "В полукочевом мире семитов, - пишет Р. Де Вокс, - из которого вышли израильтяне, каждая группа считалась потомками общего предка и отношения между ними строились в форме семейных связей. При этом кровное родство между ними было довольно частым, что не исключало того, что оно могло быть фиктивным" (De Vaux R. The Early History of Israel. L., 1978. №.1. P.178).

На таких же основах строились и объединения линиджей. "Типичное племя, - пишет Н.Лемке, - ведет происхождение от одного предка. Оно состоит из сплоченных родством в единое целое семей или родственных линиджей и следует установленным обычаями правилам заключения брака... Племя составляет как матрилинейные, так и патрилинейные группы линиджей. Они являются подразделениями территориального обитания" (Lemche N. Early Israel. Leiden. 1985. P.213.). По мнению некоторых исследователей, хотя в легендах об Аврааме, Якове, Иосифе и т.д. речь идет о людях, на самом же деле здесь имеет место персонификация племен и групп (См.: Gens C. The Tribes of Jsrael Amsterdam, 1976. P.9.).

Судя по Библии, первое государство у древних евреев возникло еще тогда, когда они были полукочевниками. Его основателем был пророк Моисей, который «выбрал из всего Израиля способных людей и поставил их начальниками народа: тысячиначальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальники (Исх. XYIII 25). Эти утвержденные Моисеем начальники составляли его администрацию. Причем в отличие от прошлого административные подразделения строились теперь исходя не из существования линиджных групп, а из численности населения, хотя эти параметры, возможно, могли иногда совпадать. "Судей не злословь и начальников в народе твоем не поноси" (Исх. XXIII 28) - было одной из важнейших заповедей того времени.

Другим важным актом Моисея было установление единого законодательства для всех израильтян. До этого деспотическая власть отца в большой семье была неограниченной. Он мог продавать в рабство детей и домочадцев, наказывать их

как ему заблагорассудится. К тому же он был единственный дееспособный в семье, представлявший ее во внешнем мире. Теперь по законам Моисея эта власть оказалась урезанной.

Рождавшееся здесь государство, как и в Риме, активно вторгалось в сферу большесемейных отношений, ограничивая права глав. В частности, дети обрели дееспособность. "Отцы не должны быть наказываемы смертию за детей и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов, каждый должен быть наказываемый смертью за свое преступление" (Втор. XXY 16). Срок продажи еврея в рабство был ограничен шестью годами. За убийство раба хозяин теперь мог понести наказание. "А если кто ударит раба своего и служанку своею палкою и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан" (Исх. XXI 20). Что касается кровной мести, то мститель сам мог умертвить убийцу, если встречал его, но последний мог укрыться в одном из шести выделенных Моисеем городов, где вопрос о его наказании решался судом. "И будут у вас города сии убежищем от мстителей, чтобы не был умерщвлен убивший, прежде, чем нежели он предстанет перед обществом на суд" (Числ. XXXY 12). В отличие от прошлого, когда судьями были главы линиджей, теперь их функции перешли к лицам, утвержденным главой государства.

Важным моментом государственного строительства, проводимого Моисеем, стала религиозная реформа, направленная прежде всего против культа предков. "И если какая душа обратится к взывающим мертвых и волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то я обращу лицо мое на ту душу и истреблю ее из народа ее" (Лев. XX 6). Не случайно Иегова, которому призывал поклоняться Моисей, не имел образа и не был связан с какой-либо местностью, что с одной стороны, исключало его стихийное отождествление с каким-нибудь местным культом, с другой - позволяло сделаться объектом поклонения всех израильтян, исключавшим культ предков.

Утверждение государственных основ у израильтян протекало не гладко, а в ожесточенной борьбе с теми, кто отстаивал свои былые привилегии и старые религиозные верования. Эти выступления жестоко подавлялись. По приказанию Моисея от меча сынов Левииных пали три тысячи человек, предававшиеся идолопоклонству. В следующий раз наказание было еще более суровым. "За

любодеяния с дочерьми Моава и идолопоклонство, в которое евреи были вовлечены моавитянами и мадианитянами, погибло 24 тыс. человек, а другие были повешены по повелению Божию" (Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 482-483). И в дальнейшем такие "повеления Божии" повторялись неоднократно.

Когда мы говорим о государстве, то нередко повторяем известные марксистские положения о том, что государство есть орудие угнетения, есть орудие эксплуатации одного класса другим. Эти положения, разумеется, верны. Однако при этом мы иногда забываем другое - бывают такие исторические моменты, когда в интересах развития формации в целом, а, следовательно, и господствующего класса, государство противодействует наиболее одиозным формам эксплуатации и угнетения, когда оно либо ликвидирует их, либо приводит в соответствие с общим вектором исторического развития. В таких случаях в выигрыше могут оказаться и широкие массы, как это было на заре возникновения государственности, когда ослабление могущества глав линиджей облегчало положение домочадцев и домашних рабов.

Государство и сопутствующие ему структуры цивилизации возникали лишь там, где создание прибавочного продукта уже приняло более или менее значительные масштабы. С точки зрения формы, переход от присваивающего хозяйства к производящему, где зарождался прибавочный продукт, в самых общих чертах, протекал более или менее одинаково. На базе разложения форм труда, свойственных присваивающему хозяйству, возникала большесемейная организация производства и связанные с ней институты. Однако с точки зрения содержания складывавшихся большесемейных производственных отношений эти процессы протекали далеко не одинаково.

Исторически переход от присваивающего хозяйства к производящему осуществлялся двояко. На стадии неолитической революции он был маргинален и затрагивал лишь области наиболее благоприятные для занятия земледелием, на стадии позднего железа он охватывал громадные территории, покрытые лесами. В недрах возникшей в ходе неолитической революции и на последующих ее этапах большой семьи складывались рабовладельческие отношения, в недрах большой

семьи эпохи позднего железа - феодальные. Поэтому изучение содержания большесемейных отношений дает ключ к изучению генезиса цивилизации.

Большая семья древнего мира

История древнего мира - история рабовладельческой цивилизации. Выясняя ее генезис, Энгельс исходил из трансформации, как он считал, родовых отношений, которые, в действительности были идеализированными отношениями большесемейных структур. Следуя его методологии, историки-марксисты как правило, не уделяли должного внимания изучению большой семьи. Обычно она либо выпадает из поля их зрения, либо о ней говорится вскользь, как о феномене родового прошлого, не имеющем принципиального значения. При этом обоснованием нередко служит положение Энгельса о том, что господство частной земельной собственности, приведшей к образованию соседской общины, а вместе с ней и моногамной семьи, возникает вместе с рабовладельческой цивилизацией.

Энгельс считал, что парную семью, свойственную родовым отношениям, сменяет моногамная семья - "один из признаков наступления эпохи цивилизации". Моногамия, писал он, "была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия - именно победа частной собственности над первоначально сложившейся общей собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые были только от него и должны были наследовать его богатство - такова была исключительная цель единобрачия..." (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 65, 68).

Однако экономические условия определяли образование всех форм семьи, включая и те формы, которые предшествовали моногамии, - это, во–первых; во–вторых, господство мужа в семье установилось задолго до появления моногамных форм и, в–третьих, последние складывались отнюдь не сознательно, с целью установить господство мужа в семье и рожать детей только от него, а стихийно, как следствие перехода к ведению хозяйства силами нуклеарной семьи.

Положения Энгельса о частнособственнических отношениях и моногамной семье как правило составляли основу рассматриваемых марксистскими исследователями коллизий политической истории античных государств. Между тем, и в государствах древней Греции, и в древнем Риме существовали большие семьи со свойственными им линиджными структурами, далекими от первобытно-коммунистических связей. Именно эти семьи в древнем мире были теми ячейками, где формировались рабовладельческие отношения, а вместе с ними социальные классы и социальные противоположности, которые Энгельс относил к эпохе моногамной семьи (См. там же. С. 68). Указанные большесемейные отношения наиболее полно исследованы не этнографами и историками, а юристами, изучавшими римское право. В связи с этим наше рассмотрение вопроса начинается с анализа древнеримской фамилии.

Термином familia на территории древнего Рима обозначалась патриархальная семья, объединявшая под властью своего главы - paterfamilias - жену, детей, других родственников, а также рабов. Paterfamilias был единственным субъектом всех имущественных прав. "У римлян, - как объяснял Дионисий, - нет ничего собственного, пока их отцы живы, но и деньги и рабы - все, чем бы они не располагали, принадлежит отцам" (Культура древнего Рима. М., 1985. Т.1. С. 24).

Глава большой семьи имел одинаковую власть - manus - над женой, детьми и рабами. Те, кто находился в сфере этой власти, независимо от наличия или отсутствия между ними кровных уз (исключая рабов), считались - родственниками, те же, кто был вне ее сферы - неродственниками. Родство, основанное на подчинении власти одного и того же paterfamilias, именовалось агнтатским, а родственники - агнатами. Ими становились даже чужие (с точки зрения кровных связей) лица, попадавшие под эту власть (например, жены сыновей), однако из их числа исключались даже собственные дети главы семьи, перешедшие под власть другого paterfamilias. Факт «кровного происхождения в древнейшую эпоху никакого юридического значения не имел, если не сочетался с patria potestas" (Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. Л., 1974. С.42). Иными словами, древнеримское право признавало только агнатное родство, тогда

как когнатное - кровное - игнорировалось, поскольку родственные связи определялись известными социальными отношениями.

Глава фамилии был единственным, кто пользовался в семьи неограниченной властью и полной свободой распоряжаться жизнью и имуществом своих домочадцев, в том числе и считавшихся свободными. Его право распоряжаться последними было таким же, как и право распоряжаться рабами. В частности, женщина, вступившая в брак, полностью попадала под власть paterfamilias. В семье, как квалифицируют римские юристы, она находилась на положении дочери, но ее жизнь, как и жизнь раба, целиком зависела от прихоти paterfamilias. Ее можно было продать в рабство, передать на правах собственности (in mancipium) для работы другому лицу, а также наказать - вплоть до предания смерти. По свидетельству Плутарха, "муж мог уступить свою жену ради рождения детей другим мужчинам, но выдавая ее замуж, а не оставляя в своем доме" (Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983. С.176). Никакими имущественными правами она не обладала. "Все, что жена имела до брака и приобретала после брака, принадлежало мужу как полному и безконтрольному собственнику» (Покровский А. История римского права. СПб, 1913. С.475). Не обладала она и родительскими правами, по отношению к собственным детям она была на положении сестры.

Таким же бесправным было и положение детей. Paterfamilias распоряжался их жизнью и смертью (jus vitae ac necis). Он мог независимо от возраста ребенка продать его в рабство или передать другому лицу для отработки долга, держать сына в цепях во время работы и т.д. (Культура древнего Рима. Т.1. С.24). Дети также не имели имущественных прав - все, что они приобретали принадлежало отцу.

Несомненно, здесь мы имеем дело с отношениями характерными для рабовладельческого общества. И это указывает на то, что институт рабства складывался спонтанно в недрах самой большой семьи, а не только и не столько вследствие обращения военнопленных в рабов, вопреки утверждениям историков-марксистов. Возникавший же дефицит рабочей силы действительно восполнялся за счет захваченных в плен иноплеменников. Таким образом, развивавшиеся внутри

семьи свойственные рабовладельческому обществу отношения, носили преимущественно эндогенный характер. Более того, именно к ним, имевшим патриархально-семейную окраску, приспосабливались отношения с военнопленными–рабами.

Обращенные в рабство становились как бы квазиродственниками главы фамилии, обязанными участвовать в церемониях, посвященных ларам - фамильным предкам. Более того, по утверждению А.Утсона, большинство рабов находилось в кровном родстве со своими хозяевами. (Проблемы происхождения и социально-политического развития Рима. М., 1984. С. 204), ибо сожительство с рабынями в древнем мире было не исключением, а правилом.

Энгельс, а вслед за ним и марксистские историки, обычно оперируют понятиями "свободный" и "раб", не замечая того, что положение большинства самих "свободных" мало чем отличалось от положения рабов. Между тем, именно это обстоятельство легло в основу деления римскими юристами "граждан по их семейному состоянию на самостоятельных и подвластных или, как говорилось в римских источниках, на лиц своего права (personae sui juris) и лиц чужого права (alieni sui juris). Самостоятельным (personae sui juris) был в семье только один человек - paterfamilias... Лишь он считался способным к неограниченному правообладанию и являлся единственным субъектом всех имущественных прав, приобретенных как им самим, так и другими членами семьи» (Иоффе О.С., Мусин В.А Основы римского гражданского права. С.38). Главы фамилий имели власть над жизнью и смертью рабов и все что приобреталось через раба принадлежало господину. Равным образом в их власти состояли, как мы уже отмечали, и их собственные дети, которых мы произвели на свет в законном браке.

Возможности детей стать подлинно свободными или, как говорили римские юристы, лицам своего права (personae sui juris) были крайне ограничены, ибо после смерти paterfamilias, по утверждению К.Веструпа, (он, по-видимому, прав) его место до появления законов XII таблиц занимал брат (Маяк И.Л. Рим первых царей. С. 147), что обеспечивало целостность фамилии и сохраняло прежнюю власть домовладыки над ее членами.

В догосударственную эпоху власть paterfamilias была неоспоримой, ибо общество еще не знало институтов, способных на законных основаниях вмешиваться в жизнь фамилий. Однако с появлением государства ситуация изменилась. С одной стороны, государство, опираясь на законодательную базу, все более ограничивало власть глав больших семей (См.: Философские исследования. 1998. № 1), с другой, - множились источники доходов, независимые от экономики традиционных фамилий: военная добыча, государственные земли, переходившие к частным лицам, ремесло, торговля и т.д. Эти источники позволяли порывать узы агнатского родства, и тем самым освобождаться от деспотической власти отцов. Вышедшие из-под власти отцов становились плебеями, т.е. теми, кто по Авлу Геллию, "не принадлежал к патрицианским родам" (Маяк И.Л. Рим первых царей. С. 156). Точнее, здесь следует говорить о их принадлежности не к патрицианским родам, а к патрицианским большесемейным структурам. Те, кто порывал с последними, будучи свободными, лишались гражданских прав, а также права на обработку общинных земель, что свидетельствует о том, какое большое место занимали эти структуры в жизни древнего Рима. Потребовались сотни лет упорной борьбы прежде, чем к началу III в. до н.э. плебеям удалось добиться уравнения своих прав с правами патрициев.

То, что плебеи были зачастую выходцами из семей paterfamilias подтверждает "наличие в архаическом Риме одинаковых родовых имен у ряда деятелей, принадлежавших к патрициям и плебеям" (Вестник древней истории. 1989. № 2. С.82). Это не исключало, конечно, того, что плебеями становились и поселявшиеся на территории Рима чужеземцы. Однако в марксистской историографии принято считать, что плебеи формировались исключительно за счет населения внеримских территорий. "Население Рима и римской области, - пишет Энгельс, - расширившейся благодаря завоеваниям, возрастало отчасти за счет иммиграции, отчасти - за счет населения покоренных по преимуществу латинских округов. Все эти новые подданные государства (вопроса о клиентах мы здесь не касаемся) стояли вне старых родов, курий и племен и, следовательно, не были составной частью populus romanus, собственно римского народа. Они были лично

свободными людьми могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу... Они составляли плебс" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 128). Таким образом, Энгельс, как и в случае с происхождением института рабства, генезис плебса объясняет исключительно ростом числа покоренного в многочисленных войнах, которые вел Рим, населения. Между тем формирование этого социального слоя носило прежде всего эндогенный характер. Главной причиной роста численности плебса были не войны, сопровождавшиеся увеличением населения, а стремление "свободных" домочадцев избавиться от патриархальной зависимости, низводившей их до положения рабов.

Широкий круг лиц, находившихся, конечно, не вне родов, как полагал Энгельс, а вне традиционных большесемейных структур, зафиксирован не только в древнем Риме. В частности, в древнегреческих городах–государствах - полисах - метеки. Подобно плебеям, метеки были свободными, и не имели гражданских прав, а также прав на землю. В документальных источниках их определяли как людей "живущих в таком-то деме", в отличие от граждан, - "принадлежащих к такому-то дему" (Глускина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин. М., 1975. С.13).

На Востоке, в частности в Палестине первой половины первого тысячелетия до н.э. рассматриваемому социальному слою можно отнести геримы. Они считались свободными, но не имели политических прав и прав на землю, так как в отличие от полноправных гражданина - эзрах, они находились вне большесемейных структур. Согласно определению средневекового комментатора Библии Ибн Эзра (XII в.), эзрах - ветка, произрастающая от корня, гер- плод, оторванный от ветки (Проблемы социальных отношений и формы зависимости на Древнем Востоке. С. 130).

И в Европе и на Востоке плебеи, метеки, герим и т.д. представляли в древнем мире один и тот же слой, порвавших с большесемейными структурами, к которым в прошлом они принадлежали. Между тем только принадлежность к указанным структурам давала право пользоваться общинной землей и участвовать в политической жизни. Поэтому ни тем, ни другим правом рассматриваемый социальный слой не располагал, что не исключало наличие внутри него не только

бедных, но и богатых, к которым в кабалу попадали и полноправные граждане (Там же. С. 139).

Само возникновение и расширение этого социального слоя есть важный показатель кризиса большесемейных отношений, кризиса власти глав больших семей над домочадцами. Углублению кризиса способствовала и политика государства, нуждавшегося в правоспособных подданных, или, иначе говоря, в таких подданных, которые бы обладали как правами, так и обязанностями по отношению к государству, что, естественно, находилось в противоречии с существованием большесемейных структур, где единственными обладателями правоспособности были главы больших семей.

Вторжение государства в сферу большесемейного права было неизбежно. Так еще Ромул запретил "мужу продавать жену под страхом принесения его в жертву подземным богам". Ему же приписывается запрет выбрасывать новорожденных (Маяк И.Л.) Рим первых царей. С. 163; Иоффе О.С., Мусин В.В. Основы римского гражданского права. С.40). При Нуме был издан закон, запрещавший продавать женатых сыновей. Мы уже отмечали выше, что троекратная продажа сына освобождала его от отцовской власти. Старый брак cum manu mariti постепенно вытеснялся браком sinne manu, в котором женщина, самостоятельная до брака (personae sui juris), сохраняла свою самостоятельность и после вступления в брак. В таком браке мужу "никакая власть над женой уже не принадлежала: супруги в личном отношении считались юридически равными субъектами... Начало юридического равенства супругов при браке sine manu проявилось в их имущественных отношениях. Муж не имел никаких прав на имущество жены, не только принадлежавшее ей до брака, но и приобретенное в период семейной жизни (в порядке наследования, дарения и т.д.)" (Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. С.44). Наконец, в законах XII таблиц предусматривалось право раздела наследства между сыновьями после смерти отца, что делало их полноправными римскими гражданами. Вмешательство государства в семейные отношения, сопровождавшееся ограничениями власти главы семьи, можно проследить на всем протяжении истории римского государства.

Важным фактором, ускорившим распад большесемейных структур, были бесконечные войны, в которых свободные римляне обязаны были участвовать со своим оружием. Эти войны, с одной стороны, вели к разорению лишавшихся рабочей силы большесемейных хозяйств, с другой, - избавляли участников военных походов от власти paterfamilias, прививая им, скажем так, вкус к личной свободе, что, безусловно, способствовало росту численности плебеев. С.Л.Утченко был прав, когда писал, например, что "Пунические войны (в особенности поход Ганибала и сопровождавшее его опустошение ряда областей Италии) содействовали дальнейшему развитию обеих сторон процесса: пауперизации крестьянства и росту plebsurbana (Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 126-127). Заметим, однако, что С.Л.Утченко по марксистской традиции подразумевает пауперизацию не большесемейных, а индивидуальных крестьянских хозяйств. А.Джонс также отмечает, что именно из класса разоренного крестьянства в значительной мере "рекрутировалась армия конца республики, особенно после того, как Марий ввел добровольный набор без имущественного ценза" (Slavery in Classical Antiquity. Cambridge, 1960. P.193) и наделение землей за участие в походах и войнах, добавим мы.

Процесс распада большесемейных отношений усиливал тенденцию перехода от хозяйствования большой семьи к хозяйствованию малой семьи. Переход этот был медленным, мучительным и завершился сравнительно поздно, во времена империи. Но именно он послужил материальной основой возникновения моногамии - признака рождения феодального общества. Моногамия отнюдь не была свойственна рабовладельческому обществу, как полагал Энгельс. "Именно существование рабства рядом с моногамией, - писал он, - наличие молодых и красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении *мужчины*, придавало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией *только для женщин*, но не для мужчины" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 66). И здесь Энгельс неточен, поскольку в больших семьях рабовладельческой эпохи жена в целях увеличения потомства могла сожительствовать с другим мужчиной,

правда, с разрешения мужа, тогда как последний мог сожительствовать с другими женщинами только по своему желанию.

Вопрос о становлении моногамии в древнем мире требует специального исследования, выходящего за рамки изучения большой семьи. Здесь же лишь стоит отметить, что главным идеологическим поборником утверждения моногамных отношений было христианство. Одна из основных его заповедей: "Не нарушай супружескую верность". "Бог создал мужчину и женщину. Поэтому оставит человек отца и мать и привяжется к жене и станут двое одной плотью". И так их уже не два человека, а один. То, что соединил Бог, пусть человек не разлучает" (Каноническое Евангелие. М., 1993. Мк 10 19; 10 4-9). Евангелие по Марку: "Я пришел разделить! - сказал Иисус. Разделить сына с отцом, с матерью дочь, со свекровью невестку и не будет страшнее врагов человеку, чем его домочадцы" (Там же. Мк 10, 35-36). Слова о том, что нет «страшнее врагов человеку, чем его домочадцы», сравнимы с заповедями Ветхого Завета: когда считалось, что, чем их больше - прежде всего за счет потомства, - тем лучше: "Я благословляю тебя, - говорит Бог Аврааму, - и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря "(3 Быт.22 17).

Важно и то, что христианство отстаивало господствующее положение мужа в семье, что являлось характернейшей чертой моногамного брака. В частности, в посланиях Павла мы находим: "Жена да учится в безмолвии, со всякой покорностью; а учить жене не позволяю (1 Тим. 2 12-12). "Жены повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви" (Еф.5, 22-23).

Известно, что Маркс, а вслед за ним и Энгельс, отрицали существование большой семьи у греков. "Вздорным, - помечал для себя Маркс, - является утверждение *Грота* будто основой социальной системы греков был oixoc - oixoc - "дом, очаг или семья". Он, очевидно, переносит на греческую семью гомеровского периода признаки римской семьи" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.45. С.329). Между тем в этом вопросе Д.Грот был, безусловно, прав - основной социально-экономической

ячейкой здесь действительно был ойкос - большая семья, обладавшая чертами, поразительно совпадавшими с чертами древнеримской фамилии.

В отечественной науке идею Грота смело отстаивал Ю.В.Андреев, по тактическим соображениям, разумеется, не ссылаясь на него. "Патриархальная семья, - ойкос - писал он, - является основной структурой гомеровского общества... В сущности каждая отдельно взятая гомеровская община представляет собой конгломерат из нескольких патриархальных семей (ойкосов) ... Так почти все известные нам по именам троянцы (около 75 персонажей) так или иначе связаны с 9 такими ойкосами, в число которых входят огромная семья Приама, семьи его братьев: Клития, Гикетаона, Лампа и Тимоэта и семьи четырех троянских старцев: Пантоя, Антеора, Укалегона и Анхиза" (Андреев Ю.В. Древнегреческий полис. Л., 1976. С.74,73). Как и у римлян термин "фамилия", у греков термин "ойкос", по словам Геродота, обозначал не только рабов, но и членов семьи - домочадцев (Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 241). Как и у римлян, состав древнегреческой большой семьи определялся не кровным родством, а тем, что ее члены находились под властью домовладыки (Goodsell W. A History of the Family as a Social and educational Institution. N.Y., 1920. P.81). Иначе говоря они считались агнатами.

Естественно, что власть главы большой семьи распространялась не только на рабов, но и на жену и детей. Невеста была предметом торга между главами семейств будущих супругов. При этом ее присутствие не было обязательным (Harrison A. The Law of Athens. Oxford, 1968. P.32). "Подарки, которые жених предлагал своему будущему тестю, - пишет П.Гиро, - являлись настоящей покупной платой; иногда происходило даже нечто вроде аукциона молодых девушек" (Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. СПб, 1913. Вып.1. С.27). Во времена Гомера за невесту обычно платили скотом. Причем в зависимости от состояния жениха плата производилась либо сразу полностью, либо частями. В последнем случае семья жениха попадала в долговую зависимость.

После заключения брака невеста переходила жить в ойкос мужа, где обязана была участвовать в жертвоприношениях его предкам. Она не имела гражданских прав и

не могла распоряжаться имуществом. Если у нее возникали какие-либо доходы, то последние считались собственностью мужа.

О характере власти, которую имел муж, свидетельствует тот факт, что он мог принуждать жену к сожительству с другим мужчиной. "В Спарте, - пишет, например, Л.Винничук, - старый муж должен был выбрать порядочного, крепкого и красивого юношу и ввести в свой дом, к своей жене, а родившегося у них ребенка признать своим. И наоборот - если кому-нибудь приходилfсь по сердцу чужая жена, плодовитая, способная родить много детей, то он мог, договорившись предварительно с ее мужем, войти к ней и жить как со своей" (Винничук Л. Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима. М., 1988. С. 152-153).

Энгельс относил такие формы сожительства к пережиткам парного брака. "У спартанцев, - пишет он в этой связи, - парный брак также не был изжит полностью" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.71). По-видимому, Энгельс в действительности не представлял, что такое парный брак, ибо в парном браке жена могла сама покинуть мужа и начать новую супружескую жизнь. У спартанцев же она - подневольная, ее могли принуждать к сожительству, чтобы иметь больше детей. Последнее как раз и характерно именно для большесемейных отношений, так как благополучие семьи было пропорционально числу домочадцев.

Принуждение к сожительству было характерно не только для отсталой Спарты, но и для Афин, которых Энгельс ей противопоставлял, считая, что в афинском государстве уже существовала моногамная семья. Однако, как пишет П.Гиро, "муж мог выдать свою жену замуж за другого. Для этого, по–видимому, не было необходимости в ее согласии. Правда, Плутарх, рассказывая о Перикле, который передал свою жену другому, прибавляет, что она дала на это согласие. Но не все тексты гласят одно и то же относительно этого вопроса. Стримодор Эгинский выдал свою жену за раба Гермея. Бониир Сократ отдал свою жену за своего вольноотпущенника Сатира" (Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. С.51). Такие факты говорят о том, что у древних греков, как и у римлян, жена в семье, вероятно, была на положении дочери.

Привилегии мужа заключались не только в том, что он мог избавиться от жены, выдав ее замуж, но и в том, что он мог свободно сожительствовать с другими женщинами. "В речи, приписываемой Демосфену, мы находим: "У нас есть куртизанки для развлечений, любовницы, чтобы о нас заботиться, и жены, чтобы рожать законных детей" (Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1958. Т.1. С. 171). Говорить о существовании моногамии, - по Евангелию, мужчина и женщина "стали одной плотью" - здесь не более, чем нонсенс.

Велика власть домовладыки была и над детьми. Красочные факты его всевластия приводит П.Гиро. "Противные ветры, - пишет он, - препятствуют отплытию ахейского флота и Агамемнон не колеблется принести в жертву свою дочь Ифигенею, чтобы смягчить гнев богов. Тем большее право имел отец распоряжаться детьми в случае их виновности... В Афинах рассказывали историю одного архонта конца VIII века, который, чтобы наказать дочь за ее дурное поведение, отдал ее на съедение лошади... Лаия узнал через оракула, что его сын Эдип сыграет в его жизни роковую роль; для предотвращения этой опасности он приказывает бросить его на пустынную гору" (Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. С.27). Фактически складывавшиеся в ойкосах отношения являли собой патриархальную разновидность рабства.

Древнегреческие полисы находились на разных ступенях исторического развития. В Афинах большесемейные отношения гомеровского периода подверглись наибольшей ломке, сопровождавшейся упадком власти главы большой семьи. Как известно при Солоне было запрещено продавать детей в рабство, за исключением случаев, когда отец или брат уличали дочь либо сестру во внебрачных связях. Свободный афинянин, согласно проведенным Солоном законам, не мог стать рабом в Афинах. Сыновья к 18 годам освобождались от отцовской власти. Наконец, в это же время была введена свобода завещаний, что позволило делить семейное имущество между сыновьями, которые могли или владеть им сообща или разделить его, но в обоих случаях они владели им вместе, как сонаследники (Томсон Дж. Исследование по истории древнегреческого общества. М., 1958. С.

107). Последнее свидетельствует о том, что время для ведения хозяйства силами моногамной семьи еще не наступило.

Власть главы семьи ослабевала не только в отношениях со свободными домочадцами, но и с рабами, хотя и в меньшей степени. Афинский рабовладелец бы теперь лишен права убивать своего раба. Приговорить раба к смерти мог только суд. "Убийство раба приравнивалось к неумышленному убийству свободного человека, каравшемуся принесением очистительных жертв" (Доватур А.И. Рабство в Аттике в VI-V вв. до н.э. Л., 1980. С.87). Рабу теперь при слишком жестком обращении с ним хозяина разрешалось укрываться в храме. "Попав в храм, раб тем самым попадал в зависимость от жреца, который решал должен ли раб возвратиться к своему хозяину или храм окажет покровительство, продав его другому хозяину. Обращение раба к храму в таких случаях носило специальное название - "просить продажи" (Там же. С.93).

Несомненна идентичность многих процессов, протекавших в древней Греции и Риме. Так, Адриан запретил хозяевам самовольно убивать рабов - в случае тяжкой вины раба, владелец должен был обращаться в суд. В Риме также существовали убежища, где раб мог укрыться от преследования своего владельца и просить о продаже его другому хозяину (Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней римской империи (Италия). М., 1971. С.212, 196).

С точки зрения распада большесемейных связей Афины, скажем так, опережали Рим. Реформы Солона, включавшие отмену долгового рабства, были проведены в VI в. до н.э., тогда как в Риме отмена долгового рабства произошла лишь в 326 г. до н.э. Домочадцы в Афинах, по-видимому, раньше, чем в Риме перестали быть благом и превратились в бремя. Свидетельством тому может служить заявление Аристотеля, поставившего вопрос об ограничении рождаемости. "Должно поставить, - писал он, - предел скорее для деторождения, нежели для собственности, так чтобы не рождалось детей сверх какого-либо определенного числа" (Винничук Л. Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима. С. 156).

Рассматриваемая нами большая семья отнюдь не была присуща только античным государствам. Ее не трудно обнаружить и в районах неолитической революции Востока, что свидетельствует об общности исторических процессов, протекавших в Европе и Азии. В этом отношении типична, например, древнееврейская семья. Ее наиболее характерная черта - патриархальная власть главы над всеми входившими в нее домочадцами: свободными и несвободными.

Все они, включая обычно и невесток патриарха, находились под его властью, которая была почти абсолютна. Было бы "ошибкой считать израильскую женщину библейских времен свободной. Она всю жизнь находилась под контролем мужчин - отца, старшего брата, мужа и свекра" (Goodsell W. Ahistory of family. P.51). Не случайно Талмуд часто относит женщин к рабам и детям, - следовательно, как и в римской фамилии, жена здесь, по-видимому, находилась на положении дочери. Брак совершался на основе соглашения между главами семей, включавшем плату за невесту либо деньгами, либо трудом в хозяйстве ее отца, как это делал библейский Яков. Сущность такого брака, пишет Гр.Попович, - "переход рабочей силы женщины из одного дома в другой" (Попович Гр. Положение женщины в библейской семье и обществе. СПб, 1915. С.7). Став собственностью семьи мужа, жена и после смерти последнего должна была оставаться в ней. Бездетная вдова, подчеркивает А.А. Глагольев, не должна была выходить в новое замужество в чужую семью, а обязана была стать супругой оставшегося в живых брата умершего мужа - своего деверя. Причем старший сын от этого второго брака наследовал имя и имущество умершего дяди, который именовался теперь его отцом, и продолжателем рода, которого он теперь являлся (Глаголев А.А. Закон ужичества или ливиратный брак у древних евреев. Киев, 1914. С.1). Следовательно, вопреки многочисленным утверждениям Энгельса, здесь также мало заботились о том, чтобы иметь своих кровных наследников, зато забота об обладании многочисленным потомством считалась делом первостепенной важности, поскольку обеспечивала процветание семьи.

Будучи собственностью мужа, жена обязана была повиноваться ему во всем. Ее измена каралась смертью. Муж же мог иметь наложниц и нескольких жен. Как в

древней Греции и Риме, он мог выдавать жену замуж. Библейские предания об Аврааме, выдавшего свою жену за сестру, чтобы она стала женой фараона - лишь дошедшая до нас интерпретация этого права, приспособленная к менталитету эпохи, когда моногамия уже стала неоспоримой формой брака. До возникновения государства право мужа на жизнь и смерть жены несомненна. Наконец, жена не могла распоряжаться имуществом. Ее имущественные обязательства и долги без согласия мужа считались недействительными.

Глава большой семьи имел неограниченную власть и над детьми. "Первоначально, - пишет Фр.Буль, - он имел без сомнения и неограниченную власть суда, так что мог наказывать детей своих смертию (Буль Фр. Социальные отношения израильтян. СПб, 1912. С.23). Он же мог продавать детей в рабство и передавать их своим кредиторам для отработки долга (Moscatis. Ancient Semitic Civilizations. L., 1957. P. 158).

Что касается положения рабов в семье, то оно почти не отличалось от положения остальных домочадцев. Чужеземное происхождение раба, пишет Дж. Педерсон, "не имело большого значения и он полностью вписывался в жизнь семьи. Положение же рожденного в семье раба было весьма близко к положению детей. Он - "сын дома" (Быт. 14 14; 15 2; 17 27; Суд. 2 14), и если живет в нем долго, то может подобно "старейшине дома" стать доверенным лицом его главы и выполнять важные поручения от его имени (Быт. 24), а также возможно, что-то наследовать (Быт. 15 4)" (Pederson. J. Israel, v I Atlanta, 1991. P.64). О том, что раб зачастую становился почти членом семьи свидетельствует и то, что он проходил обряд обрезания и был обязан участвовать в церемониях культа семейных предков.

Древнееврейская большая семья не была исключением на Востоке. Существование больших семей в древних государствах Востока сегодня не вызывает сомнения. На этот факт первым в отечественной науке обратил внимание И.М.Дьяконов. Подобно остальным востоковедам, он менее был связан догмами Энгельса, поскольку в XIX в. древняя история Востока еще оставалась малоизученной и Энгельс мало что мог о ней написать. Большая семья или большесемейная община, как хозяйство или как тесно связанная группа хозяйств, объединяющая три-четыре

поколения родичей по отцовской линии с их женами, детьми и зависимыми людьми была открыта И.М.Дьяконовым в Шумере и Аккаде в 1954 г. (Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990. С. 155). Позже большесемейные общины были обнаружены в других государствах, в частности, в Ассирийском и Хеттском, что свидетельствовало о типичности данной социальной структуры для рабовладельческих государств Востока.

Мы уже подробно рассмотрели основные черты большесемейных отношений, свойственных рабовладельческому обществу. С теми или иными модификациями эти отношения повторяются во всех древних государствах, где их удалось обнаружить. Глава семьи - "прежде всего рабовладелец, и его отношение к жене, детям, от него безгранично зависящим, и свободным беднякам на него работающим, к должникам, у него в кабале находящимся, и т.д. таково, что, для всех них он b®lu "господин" (как господин раба)" (Дьяконов И.М. Среднеассрийские законы (САЗ) // Вестник древней истории. 1952. № 4. С.234). Факт, верно подмеченный И.М.Дьяконовым почти полвека назад, когда в отечественной науке первобытная "коммунистичность" большесемейных отношений еще не подвергалась сомнению.

Вряд ли стоит далее останавливаться на характеристике большесемейных отношений в странах Востока. Из описания этих отношений И.М.Дьяконовым, предложенных здесь читателю, видно, что дальнейшее их рассмотрение приведет лишь к повторению уже сказанного нами выше. Единственно, что хотелось бы здесь отметить, так это то, что исследования востоковедов в значительной степени базируются на изучении кодексов законов, фиксировавших помимо прочего и нормы патриархальной власти главы семьи. Эта власть в разных кодексах далеко не одинакова, объясняется последнее тем, что сама большая семья с течением времени менялась. В ходе исторического развития патриархальная власть ее главы над домочадцами все больше приходила в упадок, подготавливая тем самым условия для перехода к моногамии.

Отечественные же историки, находясь под властью традиционных представлений о том, что большой семье изначально были присущи первобытно-коммунистические

отношения, свойственные роду, моделируют ее эволюцию в противоположном действительности направлении - как процесс нарастания деспотической власти домовладыки. Естественно, что при этом прошлое и будущее кардинально меняются местами, - прошлое трактуется как будущее. "Семья исследуемого периода, - пишет, например, И.Л.Маяк, - была большой домовой общиной, входившей составной частью в родовую общину, gens... Основой как фамилии, так и gens было коллективное владение ими собственности на главное средство производства - землю... Совместным в семье было и потребление". Поэтому естественен ее вывод о том, что во времена Ромула мы имеем дело "с патриархальной домовой общиной или семьей с отнюдь не столь неограниченной властью paterfamilias, *как впоследствии* (курсив мой - *Ю.И.*)" (Маяк И.Л. Рим первых царей. С. 179, 176).

Подобной точки зрения, по-видимому, придерживается и Э.А.Менабде, изучавший хеттское общество. Он, в частности, утверждает, что "в Хатии, как и в Вавилонии, власть главы семьи не достигла тех крайних пределов, как, скажем, в Ассирии, у древних евреев и тем более в Риме" (Менабде Э.А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965. С.163). На самом деле именно до возникновения государственных образований главы больших семей обладали наибольшей властью над своими домочадцами. Позднее, с появлением государств, эта власть все более ограничивалась. Домовладыки утрачивали право распоряжаться жизнью и смертью членов своих семей, домочадцы постепенно становились юридически правоспособными и дееспособными, прекратилась практика их продажи в рабство, передачи кредитору в качестве долгового заклада и т.д.

Вопрос о характере большой семьи имеет прямое отношение к продолжающимся уже не одно десятилетие спорам: существовала рабовладельческая цивилизация или нет. Еще в 1933 г. в ходе дискуссии в Академии наук СССР многие российские историки отрицали ее существование, исходя из того, что ни в одном государстве древности рабский труд так и не стал преобладающим.

Такой вывод неизбежен, если следовать жесткому противопоставлению Энгельсом труда свободных и рабов, к которым он относил преимущественно чужеземцев. "У

рода появилась потребность в привлечении новой рабочей силы, - писал Энгельс. - Война доставляла ее; военнопленных стали обращать в рабов" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 161). Такая трактовка типична для марксистских историков. Большинство из них считает, что рабство возникло "не на пути зависимости сородичей друг от друга, а на пути становления, укрепления и широкого распространения рабства иноплеменников..." (Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. С. 128).

При этом само рабство понимается весьма узко. Оно сводится лишь к одной из его разновидностей - "абсолютной зависимости работника (раба)", к полному, как пишет В.И.Кузищин, исключению раба из сферы права как регулятора отношений между людьми, т.е. к абсолютному бесправию раба (Там же. С. 124, 125). Абсолютизировать последнее, все равно что заявлять, например: наемные рабочие лишь те, кто лично свободен и лишен средств производства, при этом заранее абстрагируясь от того, что ими могли быть крестьяне-отходники, работники на дому, совмещающие работу по найму с работой на себя и т.д. Поэтому, если строго следовать логике подобных определений, то на самом деле окажется, что рабский труд не преобладал нигде - ни в сельском хозяйстве, ни в ремесленничестве (См., например: Проблемы социальных отношений и формы зависимости на Древнем Востоке. С.14), подобно тому как позднее не преобладал и наемный труд. В итоге на этой основе отрицалось существование в первом случае - рабовладельческого способа производства, во втором - капиталистического способа производства (в частности, народниками в России в начале XX в.

В действительности рабовладельческие отношения выходят далеко за рамки определения, которое дал В.И.Кузищин. К ним следует относить все случаи, когда хозяин имел возможность распоряжаться личностью работника, а, следовательно, и его трудом. В частности, власть paterfamilias над жизнями свободных членов фамилии была, как мы уже говорили, полной, однако это не исключало для них легальных возможностей стать подлинно свободными, например, вне своей семьи. Что касается отношений главы большой семьи с несвободными, то здесь дело обстояло иначе, даже получив свободу, последние сохраняли отношения личной

зависимости от своих прежних хозяев, которые, регулировались законом и включали не только материальные, но и моральные обязательства.

В свете изложенного мы во многом разделем точку зрения И.М.Дьяконова, предложившего (на основе изучения Месопотамии III–II тыс. до н.э.) оперировать категорией "древние подневольные люди рабского типа", в которую он включил рабов, патриархально-зависимых, т.е. младших родичей, клиентов, должников и царских работников или государственных илотов.

Исторически рабовладельческие отношения претерпели сложную противоречивую эволюцию, в ходе нее происходило отмирание многих форм рабства, которое в итоге свелось в основном к использованию земледельцем подневольного труда. Иначе говоря, в ходе исторической эволюции рабовладельческие отношения постепенно трансформировались в феодальные. Так, в частности, происходило в Италии, на территории Византии. Черты этой эволюции не трудно проследить и в междуречье Тигра и Евфрата.

Энгельс же считал подобную эволюцию невозможной из-за того презрения к производительному труду, которое будто бы было характерно для рабовладельческого общества. "Умирающее рабство оставило свое ядовитое жало, - писал он, - в виде презрения свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 149). На выводе Энгельса, по–видимому, сказался не только недостаток знаний римской истории, неизбежный для его времени, но и абсолютизация Аристотелевского утверждения о том, что свободные должны иметь досуг, чтобы не заботиться о производстве материальных благ, которым должны заниматься рабы.

Однако, мы не знаем ни одного рабовладельческого общества, в котором "свободные» не занимались бы производительным трудом. Причем, как пишет Я.А.Ленцман, "господа не гнушались выполнять работы рабов" (Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 286). Более того, ряд важнейших

работ, например, в сельском хозяйстве, выполняли только свободные, поскольку эти работы просто не доверялись рабам, ибо они действительно не были заинтересованы в результатах своего труда. Так, в Шумере, где удавалось собирать десятикратные, двадцатикратные и большие урожаи, пахота и сев рабам не доверялись (История древнего Мира. Ранняя древность. М., 1981. С. 32, 40). О том насколько эти работы были трудоемки и какой тщательности выполнения они требовали можно судить из следующего: "... первоначально грунт дважды вскапывается кирко-мотыгой и один раз мотыгой. В случае необходимости для раздробления комков используется и молот. На поле, подготовленном таким образом, проводится пахота и сев... После посева бороды освобождают от крупных комков, чтобы они не задерживали прорастающий ячмень" (Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С.44).

В древнем Риме пахота плугом, который мог только рыхлить землю, производилась 2-3 раза. После этого землю могли переворачивать еще лопатой. Зерно высеивали, как пишет М.Е.Сергиенко, в гребни (по-видимому, нечто вроде грядок. - *Ю.И.*). После этого поле под зерновыми мотыжали дважды с окучиванием посевов и рыхлением (Сергиенко М.Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М-Л., 1958. С, 42, 60). Хотя исследователи древнего Рима категорически не утверждают, что такие работы рабам не доверялись, думается, не будет ошибкой сказать, что их выполняли преимущественно свободные.

Не имея возможности объяснить переход от рабовладельческого общества к феодальному действием спонтанных закономерностей, Энгельс объясняет его воздействием внешнего фактора, а именно омоложением Европы варварами. "Германцы, - пишет он, - были всегда высокоодаренной ветвью арийской группы и притом находившейся в полном расцвете сил. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй... Все жизнеспособное и плодотворное, что германцы привили римскому миру принадлежало варварству. Действительно только варвары способны были омолодить дряхлый мир гибнущей цивилизации"(Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.154, 155). "Дряхлый мир гибнущей цивилизации", разумеется, мог обойтись и без

варваров в своем поступательном движении к новому обществу. Но варвары ускоряли это движение. Произошло это не потому, что у них был родовой строй, как полагал Энгельс, а потому, что у них существовала большая семья, уже содержавшая в неразвитом виде противоречия грядущего общественного строя.

Большая семья на пороге Средневековья

Патриархальная большая семья, возникавшая на развалинах родового строя, как мы уже показали выше, являла собой антитезу первобытной коммунистичности. Ее подлинный характер определялся тем, в какую именно эпоху происходил переход от присваивающего хозяйства к производящему: в эпоху неолитической революции - патриархальные большие семьи становились ячейками рождавшихся противоречий рабовладельческого общества; в эпоху позднего железа - ячейками рождавшихся противоречий общества феодального.

Эпоха позднего железа - это эпоха, помимо прочего, перехода от присваивающего хозяйства к производящему на базе подсечно-переложного земледелия, позволявшего осваивать под сельскохозяйственные угодья лесные пространства. Тотемические роды, занимавшиеся охотой и собирательством, распадались на большесемейные коллективы, сплочение которых, в отличие от большесемейных коллективов эпохи неолитической революции, происходило на качественно иной основе - на основе патриархально-феодальных связей. В Европе существование таких коллективов установлено у германских племен времен Тацита, у славян - ко времени образования Киевской Руси. Что касается Востока, то здесь во многих районах до сих пор еще сохраняются подсечно-переложные методы обработки земли.

В связи с этим мы вновь обратимся к африканским сюжетам, в которых получили свое отражение закономерности мирового исторического процесса. Отметим лишь несколько, на наш взгляд, существенных моментов. Во-первых, сравнительно недавний переход к подсечно-переложным методам обработки земли и относительно высокую степень изученности большесемейных отношений прежде всего зарубежными этнографами. Во-вторых, Маркс и Энгельс ничего не писали о Тропической Африке, поэтому африканисты могли менее считаться с марксистскими догмами. Это, собственно, положительные моменты. Однако, и это,

в третьих, перед отечественными африканистами долгие годы стояла задача доказать недоказуемое, - а именно возможность здесь, в Тропической Африке, согласно канонам марксизма, более быстрого перехода к социализму, минуя капитализм. В качестве теоретического обоснования данного тезиса приводилось следующее: на обширных пространствах региона господствуют родовые отношения с присущими им чертами первобытной солидарности и взаимопомощи. Поэтому отечественные африканисты, как правило, не изучали существовавшую здесь большую семью или если и рассматривали присущие ей отношения, то лишь под углом зрения первобытной коммунистичности, не замечая их эксплуататорской окраски.

Идея, выдвинутая нами еще в 1967 г., о том, что в рамках большой семьи Тропической Африки существует патриархально-феодальная эксплуатация домочадцев ее главой (См.: Иванов Ю.М. Аграрный вопрос в африканской деревне (на примере Родезии и Замбии) / Кандид. дисс.; его же. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии. М., 1970 и др.), до сих пор в целом остается невостребованной, хотя, по нашему мнению, без уяснения этого факта невозможно понять не только прошлое, но и настоящее региона. В связи с этим для обоснования наших теоретических положений мы вынуждены будем опираться прежде всего на работы авторов, как принято теперь говорить, дальнего зарубежья, проводивших полевые обследования в указанном регионе. Хотя их теоретические построения далеко не всегда безупречны, тем не менее выявленные ими факты опровергают ставшие привычными стереотипные представления об отношениях солидарности и взаимопомощи в больших семьях.

В Тропической Африке подсечно-переложное земледелие, обычно хорошо приспособленное к различным почвам и культурам, было наиболее характерной чертой сельскохозяйственного производства. Его особенность заключалась, как пишет И.А.Сванидзе, в том, что недолгие периоды возделывания однолетних и недолговечных многолетних культур на одних и тех же участках сменялись более или менее продолжительными периодами растительной залежи - древесной, кустарниковой, травяной или смешанной, когда истощенная земля естественным

путем восстанавливает свое плодородие. После выбора участка для обработки земля расчищалась от леса или саванны, остатки дикой растительности сжигались, культуры высаживались на обогащенную золой почву (Сванидзе И.А. Сельское хозяйство Тропической Африки. М., 1972. С. 32). Таким образом, при подсечно-переложном земледелии из-за истощения плодородного слоя обрабатываемый участок приходилось оставлять и начинать производство уже на новом месте, зачастую требовавшем переселения земледельца. И подготовка участка для обработки под посевы, и обустройство на новом месте выходили за рамки возможностей нуклеарной семьи и требовали периодической кооперации многих членов большой семьи. Это служило материальным базисом возникновения большесемейных коллективов.

Подобно большой семье рабовладельческой эпохи, африканская большая семья включала в себя несколько поколений, она представляла организацию свободных и несвободных людей, подчиненных власти главы семьи. В ее состав, как правило, входили не только жены домовладыки и его потомки, но и другие лица, связанные с ним родством по крови или браку, а также несостоявшие с ним в родственных отношениях, в том числе и рабы. Но на этом сходство африканской большой семьи с большой семьей древнего мира кончается.

В последней кооперация ее членов в сельскохозяйственном производстве носила более или менее постоянный характер. Домочадцы обычно трудились на поле домовладыки, не имея своих наделов. Если же такой надел выделялся на правах пользования (его владельцем, как и всего имущества, находившегося в распоряжении членов большой семьи, считался ее глава), то он мог быть либо приусадебным (индивидуальная семья была в состоянии обработать лишь маленькую площадь), либо одним из основных полей, на котором трудились многие домочадцы, помимо нуклеарной семьи того, кто его получал.

Иное дело организация производства в африканской большой семье, где кооперация ее членов также была необходима, но имела периодический характер. Здесь у каждой жены главы семьи, как и у каждого женатого домочадца, был свой надел, владельцем которого в конечном счете считался домовладыка. Однако

собранный урожай принадлежал тому, кто его выращивал. Глава же большой семьи имел свое отдельное поле, обрабатывавшееся его женами, детьми, а также другими домочадцами. Урожай, собранный с этого поля, хранился отдельно, в отдельном зернохранилище, и домовладыка распоряжался им по своему усмотрению. Помимо этого, жены домовладыки готовили ему еду из продуктов, произведенных в своих хозяйствах, а также подобно другим женатым домочадцам делали ему разного рода подношения. Это были повинности, представлявшие собой патриархальные разновидности отработочной и продуктовой ренты.

Глава большой семьи как владелец распоряжался основным средством производства - землей. "Право распоряжаться землей, - подчеркивает американский исследователь Е.Винанс, - являлось основой его власти в семье" (The Family Estate in Africa. L., 1964. P.49). Разрешение иметь свой надел получали у главы большой семьи только домочадцы, находившиеся в браке, так как без использования женского и детского труда заниматься земледелием было невозможно. Но "даже, если женатый сын осваивал необработанную землю, отец по традиции предъявлял на нее права" (Ibid. P.50). Земельные права женатого сына, так же как и других домочадцев, считались условными и в любой момент могли быть пересмотрены главой большой семьи. Кроме того, без разрешения последнего такие участки нельзя было передавать в пользование другим лицам. Это право распоряжаться землей служило материальной основой существования разнообразных повинностей домочадцев, приносимых землевладельцу - главе большой семьи.

Складывавшиеся в больших семьях отношения так или иначе переносились на отношения в нуклеарных семейных ячейках, входивших в их состав. Так, согласно обычному праву, у ряда племен - тонга, ндембу, лавале и др. - в нуклеарных семьях муж выделял жене надел, урожай с которого становился ее собственностью. Земля же, остававшаяся в его распоряжении, также обрабатывалась женой и детьми. Собранный с нее урожай считался собственностью мужа. Таким образом и в нуклеарных семьях труд домочадцев на себя и на главу семьи, подобно тому как это происходило в больших семьях, скажем так, существовал раздельно.

Земледельческие повинности жены и детей в пользу мужа существовали в нуклеарных семьях и в тех случаях, когда деления наделов не было, только при этом они имели менее выраженный характер, поскольку почти не отделялись от их труда на себя.

В этой связи нельзя не вспомнить Маркса, который конспектируя рассуждения Моргана о римской фамилии, сделал следующую приписку: "Современная семья содержит в зародыше не только *servitus (*рабство), но и *крепостничество*, так как она с самого начала имеет отношение к *земледельческим повинностям*. Она содержит в *миниатюре* все те антагонизмы, которые позднее развивались в обществе и его государстве" (Архив Маркса и Энгельса. М., 1941. Т. IX. С.35). Энгельс привел это замечание Маркса в своей книге "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Однако не подкрепленное фактами, оно потонуло в его размышлениях по поводу коммунистичности патриархальных отношений в больших семьях.

Материальной основой повинностей домочадцев в большой семье была не только земля, был и скот, раздававшийся в пользование последним, но которым, так же как и землей, распоряжался глава семьи. Домочадцы, получившие в пользование скот, могли потреблять молоко и кровь, иногда присваивать приплод, но не могли забивать животных. Скот разрешалось пасти везде, за исключением возделываемых участков. Выпас скота становился повинностью, непосредственно вытекавшей из складывавшихся отношений по скоту. Однако и здесь мы в конечном счете имеем дело с поземельными отношениями, ибо землей, на которой пасся скот, распоряжался тот, кому этот скот принадлежал.

Хотя повинности по скоту, по форме имеют много общего с повинностями по земле, между ними имеются существенные различия. В связи с тем, что глава большой семьи был владельцем скота, уход за животными становился для домочадцев отработкой. Лишь дойка, кровопускание, а также уход за приплодом, оставляемым изредка в пользование домочадцев, выступали как труд, который они затрачивали на себя. Подобно всякой отработке, труд на владельца получал здесь самостоятельное выражение во времени и пространстве и являлся условием

существования крестьянина. Однако рассматриваемая разновидность повинности имеет свои специфические черты. За работу на земельном наделе главы большой семьи домочадец получал не продукт труда, а землю, земельный надел - предмет труда. При получении в пользование скота - скот - предмет труда, воспроизводство которого шло домовладыке, тогда как домочадец, производящий выпас, получал продукт труда - молоко и кровь, изредка приплод. Следовательно, повинность по скоту не предполагает такой зависимости между отработкой и работой домочадца на себя, как это имеет место при наделении землей. В известных пределах чем больше домочадец ухаживает за скотом, тем больше получает продуктов - молока и крови.

В отличие от большой семьи эпохи рабовладельческой цивилизации, где глава семьи, обладая всем имуществом, распоряжался и личностью домочадца, как части этого имущества, в большой семье Тропической Африки право главы большой семьи на труд домочадцев вытекало из его обладания лишь землей и скотом, что, безусловно, определяло личные отношения, но в значительно меньшей степени, чем в эпоху рабовладения. Последнее является наиболее характерной чертой феодальных связей. В условиях кризиса рабовладельческой цивилизации такие отношения зарождались в процессе распада больших семей и становления моногамии. В Тропической же Африке, как и в других регионах подсечно-переложного земледелия, эти отношения возникали, минуя рабовладельческую стадию развития, при переходе от присваивающего хозяйства к производящему. Складывавшиеся здесь большие семьи отличались от больших семей рабовладельческой цивилизации - они были ячейками вызревавших противоречий феодального общества.

Организационно-хозяйственные функции главы большой семьи определялись нормами обычного права и включали, помимо прочего, внеэкономическое принуждение к труду - на главу большой семьи - домочадцев, имевших свои хозяйства. Власть главы хозяйства, пишет английский исследователь Ф.Гирлинг, "вытекала из его роли организатора производственной деятельности тех, кто подчинялся ему" (Girling F. The Acholi of Uganda. L., 1960. P.32). И это, на наш

взгляд, совершенно верно. Следовало бы только добавить, что материальной базой этой власти служило основное средство производства - земля, которой распоряжался домовладыка, и на которой трудились подчинявшиеся ему домочадцы.

Существенную роль в закреплении зависимости домочадцев от главы семьи играл брачный выкуп невесты - в виде скота или отработок.

Для его выплаты жениху нередко приходилось влезать в долги, что накладывало на должника дополнительные обязательства перед главой семьи. Тот факт, что глава семьи зачастую сам обеспечивал жениха скотом, отнюдь не означал ухудшения его экономического положения. Напротив, этим оно лишь укреплялось, поскольку долг все-таки выплачивался полностью, хотя, возможно, и через много лет после заключения брака. Более того, "покупка жен, - как утверждал, например, английский исследователь Г.Уильсон, - для африканцев наиболее выгодная форма приложение капитала, который за 30 лет окупает себя в 3-4 раза" (Wilson G. The Study of African Society. Livingstone, 1942. P.13). Главное здесь состояло в том, что приход невестки и появление у нее детей обеспечивали хозяйство главы большой семьи дополнительной рабочей силой. "Единственный способ гарантировать себе спокойную, обеспеченную старость, - отмечает Р.Грей, - это помочь сыну завести процветающее хозяйство. Дети обязаны обеспечивать продовольствием престарелых родителей. А поскольку отец обладает контролем над собственностью семьи (имеется в виду земля - *Ю.И.*), то он, следовательно, имеет возможность заставить их выполнять это " (The Family Estate in Africa. P.244).

Нужно отметить, что неполноправность родственников главы большой семьи, предполагающая выполнение ими трудовых повинностей, была большей по сравнению с неполноправностью домочадцев, не связанных с ним узами родства. Внеэкономическое принуждение последних было более ограниченным, что является одной из важнейших особенностей большесемейных форм эксплуатации. "Власть и руководство, - пишет Э.Уинтер, - приобретают те, кто привлекает в свои хозяйства пришельцев. Однако власть над ними не такая же, как над родственниками. Она менее надежна и ее основы недостаточно прочны. Пришелец

связан не такими уж прочными узами, и ему легче уйти. К нему нужно относиться с большим вниманием, чем к брату или сыну" (Winter E.H. Bwamba. Kampala, 1953. P.105). Дело в том, что в больших семьях Тропической Африки отношения родства всегда подразумевают повинности в пользу старшего родственника, каким во всех случаях считается глава большой семьи. Поэтому и наделение родственников землей, в отличие от других лиц, не оговаривалось особыми соглашениями, поскольку автоматически регулировалось нормами обычного права в соответствии с местом в иерархии родственных связей, тогда как в отношении прочих членов большой семьи нужны были особые договорные обязательства или такие формы зависимости, как рабство.

Отсутствие особых договорных соглашений при наделении родственников землей нередко создает у исследователей ошибочное представление, будто землей распоряжается не только глава большой семьи, но все лица, связанные с ним родством, последнее соответствует рассуждениям Энгельса о коммунистическом характере большесемейных отношений. Однако при этом сознательно или невольно упускается из вида, что право на обработку земли домочадцами реализуется только с согласия главы большой семьи и оно влечет за собой повинности в его пользу.

В действительности отношения в большой семье меньше всего напоминают идиллические отношения родственников, производственные связи которых строятся на принципах солидарности и взаимопомощи. Интересы главы большой семьи и его сородичей во многом противоположны. "Лугбара, - пишет Дж.Миддлтон, - цинично заявляют, что в сердце часто хранят ненависть к отцу, так как пока отец жив, сын находится на положении юноши и экономически от него зависим" (Middleton J. The Lugbara of Uganda. N.Y., 1965. P. 27). Антагонизм незрелых классовых отношений, как и те производственные отношения, на базе которых он вырос, имеют здесь патриархально-семейную окраску.

Производственные отношения главы большой семьи с лицами, не связанными с ним родством, находились в глубоком противоречии со всей системой норм большесемейного права. Поэтому такие отношения, как правило, были

краткосрочны. Со временем они трансформировались в семейные отношения - посредством брака или фиктивного признания родства, которое тем не менее сопровождалось вполне реальными родственными обязательствами. Причем это было характерно не только для лично свободных, но и для рабов. Как справедливо подчеркивает английский исследователь А.Саутхалл, характеризуя большесемейные отношения, "в обществе, построенном на принципах родства, рабы... могли быть лишь временным феноменом, который быстро исчезал в системе родственных отношений (Southoll A. Alur Society. Cambridge, 1951. P.234).

Известно, что в биологии существует закон рекапитуляции, согласно которому на начальных стадиях развития организма у последнего возникают мимолетные формы, характерные для предшествующих этапов биологической эволюции. При этом их развитие целиком подчинено закономерностям, или иначе говоря, содержанию процессов формирования организма, в ходе которого эти формы исчезают. Подобную рекапитуляцию можно наблюдать и у общественных организмов. Типичным ее примером может служить существование патриархального рабства на начальном этапе становления феодального общества. Эта форма рабства отличается от формы рабства рабовладельческой цивилизации прежде всего тем, что рабство как правило было кратковременным. "Рабами становились захваченные в плен во время войны, - пишет В.Уитли о племени амбо, - а также те, кто становился ими добровольно, чтобы загладить вину. Некоторые мелкие конфликты влекли за собой обращение в рабство одной из сторон. Мужчина мог отдать в рабство свою сестру за нанесенный ущерб в виде внебрачной связи или убийства. В результате рабыня становилась женой хозяина или его братьев. Классификаторские или подлинные сестры хозяина - женами рабов, чтобы те от них не убегали" (Whitley W. Bemba and Related Peoples in Northern. Rhodesia. L., P.48). Естественно, что подобные брачные отношения неизбежно влекли за собой соответствующие трудовые повинности в рамках родственных связей, регулируемых нормами обычного права. Если же эти нормы нарушались, то домочадец мог покинуть семью и присоединиться к новой. Иначе говоря, "глава большой семьи не мог чрезмерно заставлять домочадцев работать на

себя, так как... они всегда имели возможность покинуть его, если только этого пожелали" (Winter E.H. Bwamba Economy. Kampala, 1953. P.106).

Домочадец не был крепостным. Глава большой семьи имел лишь право, говоря словами Ленина, "на труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности" (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.70). Однако патриархально-семейный характер складывавшихся отношений расширял возможности воздействия на домочадца, поскольку эти отношения охватывали также и многие стороны личной жизни, хотя и не достигали тех форм вмешательства в личную жизнь, которые были характерны для рабовладельческой цивилизации. В частности, глава большой семьи контролировал труд домочадцев не только на своем поле, но и на выделенных им наделах. В сферу его компетенции входили такие важные вопросы, как браки и выкуп невесты, без чего домочадец не мог завести своего хозяйства, поскольку, как мы отмечали, без использования женского и детского труда обрабатывать участок было невозможно. В сферу его компетенции входило также улаживание семейных споров, наказание провинившихся, контроль за соблюдением норм обычного права в быту, и т.д. "Глава большой семьи, - подчеркивает М.Эдел, - в рамках семьи распоряжается всем - женами и детьми, домами и полями, скотом и рабами. Он выделяет наделы, совершает приношения духам предков... заключает соглашения о браке сыновей или дочерей. Все должны относиться к нему с уважением и повиноваться" (Edel M. Chiga of Western Uganda. N.Y., 1950. P.10).

Как всегда бывает при господстве патриархально-семейных отношений в конфликтах с внешним миром в качестве истцов и ответчиков выступали только главы больших семей независимо от того, кто совершал проступки, они сами или домочадцы. "Как рассказывают аруша, женатый сын находится в таком же неполноправном положении, как жены и дети, и конфликты, связанные с ним, официально нельзя рассматривать в отсутствие отца, главы семьи. Судебные инстанции придали силу государственного закона правам последнего (речь идет о колониальном законодательстве - *Ю.И.*): если необходимо выплатить штраф или компенсацию, то к их уплате привлекается не сын, который совершил проступок, а

отец. Если же ущерб причинен сыну, то опять же компенсацию получает не он, а отец" (The Family Estate of Africa. P. 215). В тех условиях, когда отсутствует жесткое прикрепление домочадцев к хозяйству главы семьи и сохраняется право их перехода в другую большую семью, такие формы зависимости обеспечивали главе большой семьи широкие возможности оказывать на своих домочадцев внеэкономическое принуждение. Это принуждение существовало отнюдь не само по себе, строясь исключительно на личных отношениях. Не существует как чисто личных, так и чисто вещественных отношений. Только в одном случае вещность выступает в персонифицированном виде, а в другом персонифицированность принимает вещную форму. Большесемейные личные отношения персонифицировали вещные, которые заключались не только в том, что глава большой семьи владел землей, на которой трудились его домочадцы, но и в том, что присваевамый продукт частично представлял страховые запасы большой семьи в случае неурожая, голода и т.п. Благополучие главы большой семьи зависело прежде всего от числа домочадцев, находившихся в его распоряжении. Чем их было больше, тем больше были его доходы. В этих условиях предоставление им продовольствия или семенного материала служило ему единственной возможностью сохранить рабочую силу в своем хозяйстве, а следовательно, и обеспечить свое собственное благополучие (Иванов Ю.М. Аграрный вопрос и формирование армии наемного труда в Тропической Африке. М., 1974. С. 12).

Таким образом доход, извлекаемый главой большой семьи, включал не только прибавочный, но и часть необходимого продукта домочадцев. Не исключено также, что и та его часть, которая потреблялась домочадцами во время религиозных празднеств и пиршеств, особенно тогда, когда зернохранилища у многих пустели, фактически представляла необходимый продукт. Однако этот вопрос требует дополнительного исследования. В целом изъятие у домочадцев части необходимого продукта усиливало их экономическую зависимость от главы большой семьи.

В Тропической Африке большая семья служила ядром формирования патриархальных общин. Последние как бы в расширенном масштабе

воспроизводили основные черты производственных отношений, складывавшихся в больших семьях. Основу общины составляли лица, связанные с ее главой родством по крови или браку. Число тех, кто не находился с ним в родственных отношениях, было сравнительно невелико. Независимо от фактического родства глава патриархальной общины считался старшим родственником, по отношению к которому жители деревни - общинники, выступали как бы в роли домочадцев. "Узы родства, - пишет М.Глукмен, - между главой общины и ее жителями могут меняться от племени к племени и даже в отдельной деревне состав родственников может быть различным, однако глава общины всегда считается старшим среди них" (Gluckman M. Order and Rebellion in Tribal Africa. N.Y., 1963. P.148). До появления государства место главы общины в системе отношений родства, по-видимому, всегда совпадало с его общественной функцией старшего родственника как главы линиджа, объединявшего порой несколько больших семей. В условиях же системы государственных назначений такого совпадения могло и не быть. Однако как бы то ни было положение старшего родственника всегда ассоциировалось с правом разрешать селиться в деревне, а, следовательно, и обрабатывать землю.

Своеобразие рассматриваемой общины заключалось в том, что крестьяне наделялись землей ее главой. Причем наделение землей происходило обычно не непосредственно (выделением определенного надела), а косвенно - через разрешение главы общины проживать в деревне, что автоматически давало вступавшему в нее право обрабатывать любой незанятый участок и пользоваться угодьями, находившимися в пользовании общины. "Каждый член общины, - подчеркивает С.Уригли, - благодаря принадлежности к ней может обрабатывать любой незанятый участок, находящийся на ее территории. Это право на землю являлось синонимом его жительства" (Wrigley C. Crop sand Wealth in Uganda. Kampala, 1959. P. 10).

Только принадлежность к общине, являвшаяся "синонимом его жительства", давала возможность крестьянину обрабатывать землю. Система косвенного наделения землей (отсутствие частной собственности на землю и наличие не

обрабатывавшегося земельного фонда - одно из условий переложного земледелия) была естественной формой контроля глав патриархальных общин над землей, обрабатывавшейся крестьянами. Этот контроль позволял главе общины взимать с жителей деревни ренту (работа в его хозяйстве, оброк). Обязательным условием вступления крестьян во владение новым участком являлось подношение главе общины, но не только оно. Кроме подношений крестьянин был обязан "помогать" обрабатывать его поля, строить ему жилище, пасти его скот. Крестьяне платили и продуктовую ренту, принимавшую разнообразные формы (См.: Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке. М., 1964. С.136).

Вместе с тем следует учитывать, что семья главы общины еще окончательно не отделилась от общинников. Она вместе с другими жителями деревни обязана была принимать активное участие в совместных работах по сооружению жилищ, расчистке участков, в охотничьих и рыболовных промыслах. Такие совместные работы не только не нивелировали имущественные различия отдельных семей, но и способствовали их дальнейшему углублению. В частности, как пишет де Шлиппе, "практика совместных поочередных работ за пиво имеет тенденцию сохранять известное социальное неравенство. Гостеприимные владельцы хозяйств, которые могут быть таковыми, потому что обладают значительными излишками зерна, имеют возможность обрабатывать большие площади, и, следовательно, у них, по–видимому, будут снова излишки зерна в последующие годы" (Цит. по: Allan W. The African Husbandman. L., 1965. P.23). В целом процесс социальной поляризации в общине не достиг еще той стадии, при которой "феодализировавшееся" хозяйство окончательно бы отделилось от нее. Это указывает на относительную неразвитость феодальных отношений внутри общины и на узость их социальной базы, ограниченной преимущественно кругом лиц, связанных родством.

С появлением государства содержание описанных нами отношений не менялось, поскольку продолжал сохраняться их материальный базис - подсечно-переложное земледелие. Однако присущие им формы претерпели известные изменения. Отношения большесемейных структур стали сферой действия частного права. Повинности в пользу вождей и должностных лиц, включая глав общин, приобрели

государственно-правовой характер, правда, сохранив при этом и патриархально-семейные черты, поскольку общинники, как правило, находились в родстве с теми, в чью пользу отрабатывали повинности.

Рождение государства и связанных с ним новых форм отношений, естественно, не могло изменить сущности поземельных отношений, так как пастбищное скотоводство и подсечно-переложное земледелие препятствовали закреплению земли в частную собственность. Иными словами, как писал Маркс: "Государство здесь - верховный собственник земли. Суверенитет здесь - земельная собственность сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч. II. С. 354).

Методы обработки земли делали крестьянина, как правило, заинтересованным не в постоянном использовании определенного участка, плодородие которого быстро падало, а в регулярном освоении новых земель.

Отсутствие частной собственности на землю отнюдь не препятствовало развитию феодальных отношений. Более того, в условиях подсечно-переложного земледелия и пастбищного скотоводства, оно обеспечивало монополию феодальной верхушки на землю, позволявшую ей, наделять непосредственных производителей землей, а, следовательно, и получать ренту. Именно поэтому гарантировалось право каждого подданного на обработку земельного участка, обусловленное выполнением повинностей в пользу должностных лиц. В Тропической Африке крестьяне обычно несли повинности одновременно в пользу глав больших семей, старост деревень и вождей. В дальнейшем по мере развития феодальной формации система выплата ренты нескольким лицам отмерла, а зависимость крестьянина от того, кто непосредственно наделял его землей, усиливалась.

Раньше этот процесс начался в Европе. Его материальным базисом послужил переход от подсечно-переложного земледелия к постоянной обработке земли, революционизировавшей как само сельскохозяйственное производство, так и связанные с ним общественные отношения. Этому переходу благоприятствовали

природные условия зоны умеренного климата: отсутствие ветровой и водяной эрозии на открытых пространствах, замедленное восстановление растительного покрова вообще и древесного, в особенности, накопление гумуса при температурах ниже 25 С, а, следовательно, и более быстрое по сравнению с почвами регионов Востока восстановление плодородия и т.д.

Обработка постоянных участков земли позволила перейти от мотыжных методов подготовки почвы для сева в зольных кучах к пахотному земледелию с использованием скота в качестве тягловой силы, вместе с тем возникла необходимость в искусственных мерах по восстановлению убывающего плодородия, которое при подсечно-переложном земледелии восстанавливалось естественным путем. Обработка земли с использованием скота как тягловой силы сделали ненужной большесемейную кооперацию, обусловленную прежде всего подготовкой участка для возделывания земли под посевы и периодическими переселениями на новые места в связи с падением плодородия почв. Большую семью вытеснила моногамная, труд которой на постоянном участке привел к закреплению его в наследственное владение либо в частную собственность. В Европе частное землевладение - сравнительно ранний институт. Сведения о нем отмечаются в источниках V-VI вв. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.333). Соответственно менялась и форма общины - из большесемейной она превратилась в общину-марку, жители которой несли повинности лишь в пользу того, на чьей земле община существовала.

Переход в Европе к постоянной обработке земли явился таким образом своеобразным качественным скачком в развитии феодальной формации, в результате чего Запад опередил Восток, где продолжали сохраняться методы обработки земли, требовавшие большесемейной кооперации и соответствующих ей патриархальных форм производственных связей как в самой семье, так и в общине. Восток и Запад тем самым оказались на разных ступенях развития феодальных отношений. Разумеется, во времена Маркса и Энгельса этот факт был далеко не столь очевиден. Однако уже тогда делались попытки выяснить, как тогда казалось с европейской точки зрения, своеобразие восточного феодализма. Например,

Дж.Фир в 1880 г. опубликовал книгу “Арийская деревня в Индии и на Цейлоне”, в которой доказывал существование феодальных отношений внутри индийской общины. Маркс подобные идеи отвергал. Конспектируя книгу Фира он отметил: “Этот осел Фир называет организацию сельской общины феодальной” (См.: Народы Азии и Африки. 1964. №1. С. 75). Подобные идеи расходились с его представлениями о коммунистическом характере общинных институтов. С ним происходило то, о чем говорил Гете - “новая истина больше всего страдала от старой ошибки”.

Рассматривая “общину как исходный пункт всех культурных народов”, Маркс считал, что ее главной чертой является первобытный коммунизм (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.II. С. 394). При этом он относил к первобытно-коммунистическим те самые общины, которые уже представляли субстанциональные ячейки феодального общества. В частности, с точки зрения первобытной коммунистичности рассматривались им индийская община, русская община-мир и древнегерманская марка. “Как я указывал, - писал он, - в различных сочинениях она (общинная собственность - *Ю.И.*) ведет свое начало из Индии и поэтому встречается у всех европейских культурных народов на заре их развития. Специфическая *славянская* (не монгольская) форма общинной собственности в России (встречающаяся также у нерусских южных славян) больше всего даже похожа mutatis mutandis на древнегерманскую разновидность индийской” (Там же. Т.32. С. 541).

О том, что русская община имеет первобытные (для Маркса это было равно коммунистические) корни, Маркс писал и в своих известных набросках письма к В.И.Засулич: “Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции. Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной* и являет собой *русская община*” (Там же. Т.19. С.48). По Марксу формы общин могли меняться, тогда как их имманентное субстанциональное состояние, - первобытный коммунизм, - базировавшийся на

общественной собственности на землю - в течение длительного времени оставался неизменным, подвергаясь модификации внешних сил.

Энгельс полностью разделял эти взгляды Маркса. Не случайно, например, он писал: "Первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма" (Там же. Т.36. С.97). Не случайно также его высказывание о том, что "в России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда, рассыпающееся теперь в прах, но еще служащее тем фундаментом, которым оперирует и действует капиталистическая революция" (Там же). К чести русской общественной мыли она еще в конце XIX в. породила целое течение, критиковавшее представления о коммунистическом характере русской общины. Его зачинателями были Плеханов и Ленин. Ирония же истории заключалась в том, что критика развертывалась под флагом борьбы с народничеством во имя защиты марксизма, основоположники которого идеи коммунистичности русской общины защищали.

Характеризуя общинные отношения как отношения первобытного коммунизма, Маркс и Энгельс, естественно, не могли выяснить механизм имманентного перехода от первобытности к классовому обществу. Поэтому они абстрактно увязывали этот процесс с возникновением государства. "Государство, - пишет Энгельс в Анти-Дюринге, - к которому стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин в результате своего развития пришли сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов, - например, на Востоке - орошение и для защиты от внешних врагов, отныне получает в такой же мере и назначение - посредством насилия охранять условия существования и господства правящего класса против класса угнетенного" (Там же. Т.29. С. 152). Из приведенного высказывания видно, что по Энгельсу государство первоначально возникает в целях удовлетворения общих интересов общин, считавшихся им коммунистическими, и лишь позднее начинает решать задачи охраны условий "существования правящего класса против класса угнетенного". Между тем в действительности государство с самого начала возникает в качестве хранителя

этих условий, когда от первобытной коммунистичности уже не осталось и следа, а зарождающиеся классы, выходя из эмбрионального состояния уже начинают разрывать патриархальную оболочку, препятствующую их дальнейшему развитию.

Как известно, придуманный Марксом и Энгельс - симбиоз первобытно-коммунистических общин с государством, охранявшим "условия существования и господства правящего класса против класса угнетенного", одно время назывался ими азиатским способом производства. Однако после 1868 г. этот термин уже перестал ими употребляться, хотя сама идея подобного симбиоза еще продолжала существовать. "Древние общины, - писал, в частности Энгельс в 1878 г., - там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой формы восточного деспотизма от Индии до России. Только там, где они разложились народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда" (Там же. С. 186). Справедливости ради следует сказать, что в опубликованной им в 1884 г. книге "Происхождение семьи, частной собственности и государства" идее симбиоза, о котором мы говорили выше, не нашлось места, а государство с самого начала рассматривается как выражение признания того, что общество, раскалываясь на противоположные классы, уже запуталось в неразрешимых противоречиях.

Вряд ли имеет смысл анализировать здесь непрекращающиеся споры по поводу азиатского способа производства. Они скучны и однообразны, поскольку сводятся обычно, с одной стороны, к неподкрепленному фактическим анализом голому теоретизированию, с другой - к бесконечному толкованию того, что хотели сказать Маркс и Энгельс по этому вопросу. При этом и для защитников концепции и для ее оппонентов истина оказывалась не в том, что на деле происходило в рассматриваемую ими эпоху, а в том, что подразумевали под термином азиатский способ производства основоположники марксизма. С этой точки зрения участники дискуссий во многом напоминают участников словесных баталий толкователей библейских текстов, которые считали, что истина заключена в самой Библии, а не в том, о чем в ней говорится.

Вместе с тем на одном аспекте дискуссий об азиатском способе производства все же стоит немного остановиться. В ходе них наметилось течение, приписывавшее сознательно или невольно восточным деспотиям черты, свойственные государству тоталитарного социализма. Его сторонники, в частности утверждали, что в восточной деспотии "частная собственность выступала еще в первичной общественной (государственной) собственности, содержащей в зародыше все последующие формы", что государство осуществляет и регулирует здесь многие "стороны воспроизводственного процесса: распределение, обмен, потребление". Они указывали также, что "в отличие от капиталистического любой докапиталистический тип воспроизводства не действует автоматически, поэтому осуществлять соединение производителей со средствами производства приходится каждый раз заново, при помощи волевого начала". Наконец, ими проводилась мысль, что "правящая верхушка присваивала и использовала прибавочный продукт" в качестве оплаты за "труд властвования" (Народы Азии и Африки. 1988. № 4. С. 70-73). То, что указанные черты восточных деспотий, с которыми увязывалось существование азиатского способа производства, были не менее предметом фантазии, чем построения на эту тему Маркса и Энгельса, вряд ли вызывает сомнение. Однако приписывание этих черт восточным деспотиям имеет свое историческое оправдание, поскольку оно было одной из своеобразных донаучных форм критики реалий тоталитарного социализма, возникавшего прежде всего в странах Востока. В ходе такой критики доказывалось, что эксплуатация человека человеком может существовать и тогда, когда средства производства сосредоточены в руках государства.

Марксизм - дитя своей исторической эпохи со свойственным ей уровнем знаний и границами видения мирового исторического процесса. Но как бы мы сегодня не критиковали оказавшиеся несостоятельными выдвинутые им положения, следует всегда помнить, что сделанные им такие великие открытия, как диалектический и исторический материализм, теория формационного развития, теория прибавочной стоимости и т.д. стали достоянием науки. Разрабатываясь и дальше на уровне

новых знаний они служат и будут служить важнейшими инструментами познания окружающего нас мира.

Это важно помнить особенно сегодня, когда не прекращается борьба против наследия тоталитарного социализма, декларировавшего марксизм в качестве единственной имеющей право на жизнь идеологии. Однако пропаганда его идей была сугубо избирательной, поскольку эти идеи включали представления о свободе и гуманизме, находившиеся в противоречии с тоталитарной действительностью. Не случайно Россия была одной из тех стран, где труды основоположников марксизма никогда полностью не публиковались. Не случайно и то, что публиковавшиеся переводы работ Маркса и Энгельса зачастую несли печать сознательных искажений с тем, чтобы оправдать проводившуюся политику. Маркс и Энгельс были действительно великими мыслителями и к их работам следует подходить с позиций историзма. В этой связи нельзя не вспомнить слова Энгельса: "Человек, который судит о каждом философе не потому, что является непреходящим, прогрессивным в его деятельности, а потому, что было неизбежно преходящим, реакционным, судит *по системе* - такой человек лучше бы молчал. По его мнению, вся история философии - это просто "груда развалин" не оправдавших себя систем" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.38. С. 108). Именно такой "грудой развалин" не оправдавших себя систем" на фоне стерильной непогрешимости марксизма представляли нам историю философии поборники тоталитарного социализма. Продолжать их дело, увеличивая "груду развалин" - бездарное занятие.